РУССКІЙ

ЗАГРАНИЧНЫЙ СБОРНИКЪ.

2 шк
Р

ЧАСТЬ V. — ТЕТРАДЬ I.

О НОВОМЪ

УСТРОЙСТВѢ КРЕСТЬЯНЪ.

Le nouveau reglement pour l'émancipation des serfs en Russie par N. Tourgueneff.

LEIPZIG,

A. Franck'sche Verlags-Buchhandlung.
(Alb. L. Herold).

1861.

Librairie A. Franck, 67, rue de Richelieu, Paris.

О НОВОМЪ

УСТРОЙСТВѢ КРЕСТЬЯНЪ.

РУССКІЙ ЗАГРАНИЧНЫЙ СБОРНИКЪ.

ЧАСТЬ V. — ТЕТРАДЬ I.

О НОВОМЪ

УСТРОЙСТВѢ КРЕСТЬЯНЪ.

Le nouveau reglement pour l'émancipation des serfs en Russie par N. Tourgueneff.

LEIPZIG,
A. Franck'sche Verlags-Buchhandlung.
(Alb. L. Herold).

1861.

Librairie A. Franck, 67, rue de Richelieu, Paris.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Изложеніе вопроса.
II. Необходимость надѣловъ ограниченныхъ.
III. Планъ освобожденія съ малымъ надѣломъ.
IV. Возраженія противъ сего плана.
V. Положеніе крестьянъ и помѣщиковъ по сему плану и по Новому Устройству.
VI. Заключеніе.
VII. Объ управленіи въ особенности.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

При обнародованіи новаго устройства крестьянъ мы желали дать самимъ себѣ подробный отчетъ въ томъ: до какой степени планъ освобожденія крестьянъ съ землею, который былъ начертанъ нами, согласуется съ новымъ положеніемъ изданнымъ при манифестѣ 19 Февраля, въ какихъ распоряженіяхъ и въ какой мѣрѣ онъ отступаетъ отъ сего положенія.

Разсмотрѣвъ и изучивъ Новое Положеніе, мы убѣдились, что нашъ планъ оному не противенъ; т. е. что всѣ предположенія въ нашемъ планѣ содержащіяся, могутъ быть приняты и приложены на самомъ дѣлѣ, по добровольному соглашенію между помѣщикомъ и крестьянами, въ слѣдствіе того простора, который предоставляется въ семъ Положеніи добровольнымъ сдѣлкамъ и соглашеніямъ.

По сему, равно какъ и въ оправданіе собственныхъ моихъ предположеній по вопросу освобожденія, кои, будучи основаны на маломъ поземельномъ надѣлѣ, приносятъ, по мнѣнію редакціонныхъ коммиссій, одно сословіе въ жертву другому, я рѣшился излагаемыя здѣсь соображенія мои напечатать.

Если доводы мои покажутся нѣкоторымъ помѣщикамъ достаточно уважительными для того, что-бы согласиться со мною въ основныхъ началахъ моего плана; то они могутъ просто прибѣгнуть къ ст. 123й Мѣстнаго Положенія для 34хъ губерній, по которой помѣщикъ можетъ предложить крестьянамъ подарить имъ $^1/_4$ высшаго надѣла, включая усадьбу; крестьяне же принявъ таковый даръ, тѣмъ самымъ откажутся отъ всякихъ дальнѣйшихъ надѣловъ землею.

Чтожъ касается до мнѣнія моего о *маломъ* поземельномъ надѣлѣ, то сіи соображенія показываютъ, что сами редакціонныя коммиссіи приведены были, вопреки предпосланнымъ ими началамъ, искать исхода дѣлу освобожденія въ надѣлахъ не полныхъ, а ограниченныхъ, недостаточныхъ для предполагаемаго обезпеченія крестьянъ въ ихъ существованіи. Онѣ покажутъ также, что для крестьянъ и, какъ намъ кажется, для дворянъ, нашъ планъ представлялъ болѣе выгодъ или по крайней мѣрѣ болѣе убодствъ, нежели планъ редакціонныхъ коммиссій.

Парижъ, 22 Мая 1861.

Н. Тургеневъ.

I.

Манифестъ освобожденія обнародованъ. *Положенія о крестьянахъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости* воспринимаютъ свое дѣйствіе. Честь и слава Голударю-освободителю! Ему же признательность и благословенія отъ всѣхъ людей любящихъ правду и справедливость!

Едва ли найдется въ исторіи другой примѣръ, гдѣ-бы одинъ человѣкъ сдѣлалъ такъ много добра столь многимъ людямъ.

Личная свобода крестьянъ обезпечивается, въ Новомъ Положеніи, почти всѣми средствами, коими можно было располагать въ теперешнемъ положеніи законодательства и гражданскаго порядка въ Россіи.

Тѣ, коихъ счастливая доля была участвовать въ огромномъ трудѣ составленія Новаго Положенія, пріобрѣли полное право на признательность всѣхъ своихъ благомыслящихъ согражданъ, и бремя негодованія со стороны недоброжелательныхъ и неразумныхъ противниковъ, будетъ для нихъ теперь — по успѣшномъ совершеніи великаго и честнаго труда — конечно весьма легко.

Отдавая такимъ образомъ чистосердечно полную справедливость важному и благотворному преобразованію, уже

и теперь, въ настоящемъ его видѣ, осуществляющему огромное, неоцѣнимое добро, равно какъ и труду разумныхъ и добросовѣстныхъ дѣятелей въ семъ преобразованіи, мы постараемся означить съ нѣкоторою опредѣлительностію силу и дѣйствіе новаго Положенія о крестьянахъ.

Цѣль новаго Положенія состоитъ въ слѣдующемъ:

Освободить крестьянъ отъ крѣпостнаго права помѣщиковъ, предоставить имъ, для обезпеченія ихъ существованія извѣстные надѣлы землею за опредѣленную повинность и дать имъ средства къ пріобрѣтенію сихъ надѣловъ въ собственность, посредствомъ выкупа.

Для достиженія сей цѣли постановляется слѣдующее:

Для всѣхъ крестьянъ вообще опредѣляется извѣстный надѣлъ землею, равняющійся, по возможности, тому коимъ они пользовались доселѣ.

Сей поземельный надѣлъ предоставляется крестьянамъ въ постоянное пользованіе.

За сіе пользованіе крестьяне исполняютъ повинность или работою или деньгами (барщина и оброкъ).

Барщинная работа, значительно облегченная, опредѣляется различными подробными постановленіями.

Оброкъ опредѣляется положительно и сообразно количеству и качеству земель въ различныхъ мѣстностяхъ.

Крестьяне барщинные остаются на барщинѣ и переходятъ на оброкъ не прежде 2 лѣтъ.

Оброчные крестьяне могутъ выкупать ихъ полевой надѣлъ, но не иначе какъ съ согласія помѣщика.

Къ выкупу своихъ усадьбъ крестьяне могутъ приступать и безъ согласія помѣщика. Сіе право ограничивается

отчасти тѣмъ, что помѣщикъ можетъ отъ крестьянъ, желающихъ выкупить свои усадьбы, требовать, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и выкупа полевыхъ надѣловъ, кои впрочемъ, по желанію крестьянъ, могутъ быть уменьшены въ своихъ размѣрахъ.

Сверхъ сихъ коренныхъ началъ, Новое Положеніе содержитъ различныя распоряженія и изключенія изъ общихъ правилъ, съ цѣлію облегчить для крестьянъ улучшеніе ихъ быта.

Такъ, между прочимъ, постановляется, что, съ согласія помѣщика, барщинные крестьяне могутъ, и прежде 2 лѣтъ, переходить на оброкъ;

что, по истеченіи 9 лѣтъ, крестьяне могутъ, съ разрѣшенія начальства, отчуждать пріобрѣтенныя ими земли, внося при томъ вырученныя за оныя деньги въ уплату выкупной ссуды;

что общество можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, дѣлить земли на подворные участки;

что крестьяне, уплатившіе за себя выкупную ссуду и даже въ извѣстныхъ случаяхъ и при извѣстныхъ условіяхъ, не вполнѣ уплатившіе сію ссуду, могутъ выходить изъ сельскаго общества;

что выкупившіе свои усадьбы, могутъ, по прошествіи 9 лѣтъ, отказаться отъ полевой земли.

Наконецъ постановляется, что крестьяне не выкупившіе ни усадьбъ, ни полевыхъ надѣловъ, остаются *временно обязанными*. Крестьяне же выкупившіе свои надѣлы, входятъ въ разрядъ *крестьянъ-собственниковъ*, немедленно по

совершеніи сдѣлки. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и выкупившіе только свои усадьбы входятъ въ сей разрядъ.

Вообще обширная возможность предоставляется въ Новомъ Положеніи помѣщикамъ и крестьянамъ совершать между собою всякаго рода добровольныя сдѣлки касательно пріобрѣтенія крестьянами полевыхъ надѣловъ.

Такъ какъ сихъ добровольныхъ соглашеній и сдѣлокъ мы предугадывать не можемъ; то мы ограничимся изысканіемъ только того дѣйствія и тѣхъ послѣдствій, кои непосредственно должны проистекать отъ узаконяемаго Новымъ Положеніемъ выкупа крестьянами ихъ полевыхъ надѣловъ, равно какъ и ихъ усадьбъ.

Не входя въ изчисленіе различныхъ размѣровъ какъ поземельнаго надѣла, такъ и оброка въ различныхъ мѣстностяхъ, мы предполагаемъ, что самый обыкновенный надѣлъ будетъ трехъ-десятинный и оброкъ 9 руб. съ души.

Капитализируя 9 рублевый оброкъ изъ 6 %, капиталъ составитъ 150 руб. Полагая по $2\frac{1}{2}$ души на тягло, крестьянинъ съ своимъ семействомъ долженъ будетъ заплатить 375 руб. за надѣлъ свой. Конечно онъ получитъ за сію сумму $7\frac{1}{2}$ десятинъ земли и неоспоримо, или покрайней мѣрѣ весьма вѣроятно, что сія земля будетъ стоить сихъ денегъ. Но много ли между 23 мил. найдется такихъ крестьянъ, кои будутъ въ состояніи заплатить такую сумму хотя и за равноцѣнную сей суммѣ землю?

И такъ крестьяне должны будутъ прибѣгать къ выкупу посредствомъ содѣйствія правительства.

Правительство, въ качествѣ ссуды, выдаетъ помѣ-

щикамъ кредитныя бумаги на $^4/_5$ (иногда на $^3/_4$) изчисленнаго по оброку выкупнаго капитала; за что крестьяне обязываются платить правительству 6 % и платить — въ продолженіе 49 лѣтъ.

Остальную $^1/_5$ или $^1/_4$ выкупнаго капитала, не вошедшую въ сумму кредитной бумаги, крестьяне должны внести помѣщику чистыми деньгами.

Сколь по видимому ни умѣренна сія уплата чистыми деньгами, не менѣе того она составитъ при выше упомянутомъ оброкѣ 75 р., кои обязывается уплатить тягловый крестьянинъ въ самомъ началѣ, приступая къ выкупу. При совершенномъ отсутствіи у насъ кредитныхъ учрежденій для крестьянъ, нѣтъ сомнѣнія, что одна обязанность предварительнаго взноса такой суммы удержитъ множество крестьянъ отъ приступленія къ выкупу.

Такимъ образомъ весьма трудно ожидать, чтобы большое число крестьянъ прибѣгло къ сему средству выкупа, и сіе тѣмъ болѣе, что никакой выкупъ полевыхъ земель не можетъ быть совершенъ безъ согласія на то помѣщика.

Самый вѣроятный исходъ изъ сего вопроса о надѣленіи крестьянъ землею, найдется наиболѣе въ добровольныхъ сдѣлкахъ между крестьянами и помѣщиками. Къ таковымъ сдѣлкамъ должны будутъ привести какъ крестьянъ такъ и самихъ помѣщиковъ, и ихъ обоюдныя выгоды и обоюдныя неудобства.

Выкупъ усадьбъ для крестьянъ легче, нежели выкупъ полевыхъ земель, ибо для выкупа первыхъ требуется менѣе денегъ хотя и слѣдуетъ ихъ уплатить немедленно. Но и въ семъ случаѣ едва ли крестьяне поторо-

пятся выкупать свои усадьбы, такъ какъ они не могутъ вполнѣ располагать ими въ продолженіе 9 лѣтъ.

Предвидя всѣ затрудненія сопряженныя съ выкупомъ крестьянами полныхъ или *высшихъ* полевыхъ надѣловъ, Новое Положеніе представляетъ различныя облегчительныя средства для того, чтобы крестьяне могли вступать въ разрядъ *собственниковъ*, и для сего допускаетъ выкупъ полевой земли въ уменьшенныхъ размѣрахъ и доходитъ даже до того, что дозволяетъ крестьянамъ отказаться отъ ихъ надѣловъ, если помѣщикъ *подаритъ* имъ только одну четверть земли *высшаго* надѣла, включая усадьбу.

Въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ случаяхъ Новое Положеніе дозволяетъ даже крестьянамъ выкупившимъ свои усадьбы, вовсе отказаться отъ полевой земли.

Такія распоряженія свидѣтельствуютъ, что правительство имѣло столь же здравое какъ и благотворное стремленіе облегчить всѣми возможными средствами окончательное вступленіе крестьянъ въ положеніе самостоятельныхъ *собственниковъ*, хотя бы то было съ уменьшеннымъ полевымъ надѣломъ или даже съ одною усадьбою. Мы повторяемъ, такое стремленіе и здраво и благотворно. Не менѣе того, однакоже, оно не вполнѣ соотвѣтствуетъ предположенной цѣли: освобожденія крестьянъ съ ихъ поземельнымъ надѣломъ. Сія цѣль основывалась на томъ, что крестьяне вообще должны имѣть такой надѣлъ землею, который обезпечивалъ бы ихъ и въ собственномъ продовольствіи и въ возможности исполнить ихъ повинности. Если быдостиженіе такой цѣли было возможно, то безъ сомнѣнія, подобное *освобожденіе съ землею* было бы

самымъ лучшимъ. Но сила вещей и обстоятельствъ превозмогаетъ самыя благія намѣренія, и мы видимъ, что Новое Положеніе, отступая отъ предположенной цѣли, достиженіе коей является невозможнымъ, ищетъ средствъ *освобожденія съ землею* именно въ уменьшеніи требуемыхъ надѣловъ и доходитъ на семъ пути до $^1/_4$ *высшаго* надѣла, и даже до освобожденія съ однѣми усадьбами, лишь бы достигнуть той главной, существенной цѣли возведенія крестьянъ въ качество независимыхъ собственниковъ.

И такъ замѣтивъ выше сего, что выкупъ съ полнымъ или высшимъ надѣломъ весьма затруднителенъ и не обѣщаетъ большаго успѣха, т. е. что весьма немногіе изъ крестьянъ воспользуются симъ средствомъ, и находя, что Новое Положеніе представляетъ значительныя средства къ выкупу съ надѣломъ ограниченнымъ или уменьшеннымъ, мы должны заключить, что несравненно большая часть крестьянъ, кои будутъ приступать къ выкупу, предпочтетъ выкупъ съ уменьшеннымъ надѣломъ, т. е. съ такимъ, который уже не будетъ имъ представлять достаточнаго обезпеченія въ возможности собственнаго продовольствія и въ исполненіи ихъ обязанностей и повинностей.

II.

Такой окончательный исходъ вопроса о выкупѣ земли крестьянами былъ неизбѣженъ. При всемъ желаніи своемъ оградить благосостояніе крестьянъ упроченіемъ за ними обычнаго ихъ поземелькаго надѣла, новое Положеніе, самою силою вещей, было приведено къ необходимости пожертвовать, до нѣкоторой, довольно важной степени, сею цѣлію, цѣлію впрочемъ второстепенною, дабы чрезъ то достигнуть главной, существенной цѣли: созданія сословія свободныхъ земледѣльцевъ.

Но если это такъ, то мы просимъ позволенія поставить слѣдующій вопросъ:

Еслибы Новое Положеніе, поставивъ себѣ главною цѣлію: создать сословіе самостоятельныхъ земледѣльцевъ, крестьянъ *собственниковъ*, какъ это значитъ въ текстѣ, удовольствовалось обезпеченіемъ ихъ не обычнымъ ихъ надѣломъ, но только надѣломъ *возможнымъ*, т. е. весьма ограниченнымъ; то такая метода не облегчила ли бы всего дѣла, всего процесса освобожденія? Остановившись на небольшомъ поземельномъ надѣлѣ, напримѣръ одной десятины на душу, со включеніемъ усадьбы, выкупъ сдѣлался бы несравненно удобнѣе и — что было бы

весьма полезно для всѣхъ — вознагражденіе помѣщиковъ за такой надѣлъ могло бы быть принято на счетъ казначейства.

„Мы не могли и думать объ ограниченномъ или недостаточномъ надѣлѣ крестьянъ,“ говоритъ г. Ростовцевъ въ запискѣ своей представленной предъ кончиною его Государю.*)

Но что могутъ значить эти слова, что значатъ новыя постановленія о надѣлѣ *высшемъ* и *низшемъ* крестьянъ, когда выкупъ сихъ надѣловъ зависитъ отъ воли помѣщика, а крестьянамъ предоставляется *право* только на выкупный надѣлъ самый ограниченный, т. е. на ихъ усадьбы? Не очевидно ли, что вся операція освобожденія съ землею, выкупъ надѣловъ земельныхъ, не можетъ совершиться иначе какъ съ согласія помѣщиковъ и слѣдственно по обоюдному добровольному соглашенію?

Возможность, удобность и польза добровольныхъ

*) Вотъ слова записки:

„Потери для помѣщиковъ, еслибъ онѣ и произошли, будутъ только временными, потому что возвышеніе цѣнъ на остающіяся у помѣщиковъ земли, съ освобожденіемъ труда и дарованіемъ крестьянамъ права пріобрѣтать поземельную собственность, быстро вознаградитъ потери дворянскаго сословія. Единственнымъ способомъ совершеннаго устраненія подобныхъ временныхъ потерь могло бы быть только скудное надѣленіе крестьянъ землею, т. е. отнятіе у нихъ земель, которыми они всегда пользовались и которыя обезпечивали ихъ существованіе; но это очевидно обратило бы ихъ въ батраковъ богатыхъ земледѣльцевъ. Коммиссія не могла и думать о подобномъ разрѣшеніи вопроса, считая, что такое принесеніе одного сословія въ жертву временнымъ интересамъ другаго, не соотвѣтствовало бы желанію самаго дворянства улучшить бытъ своихъ крестьянъ.“

„Не могли думать —“ а могли и *должны были* сдѣлать!

сдѣлокъ были бы равно дѣйствительны, равно сильны и при самомъ маломъ надѣлѣ. Разница состояла бы только въ томъ, что крестьянинъ, получивъ малый однодесятинный надѣлъ съ усадьбою, немедленно очутился бы и освобожденнымъ и собственникомъ, и имѣя уже *свой уголъ*, могъ бы съ должною разсчетливостію приступать къ добровольнымъ сдѣлкамъ съ помѣщикомъ о пріобрѣтеніи для себя болѣе земли.

Если же на сіе будетъ возражено, что прежде нежели устроить и опредѣлить выкупъ, слѣдовало обезпечить крестьянина надлежащимъ надѣломъ земли для его продовольствія; то на сіе мы замѣтимъ, что ничто не мѣшало бы опредѣлить сіи надѣлы въ пользованіе, такъ какъ они опредѣлены въ новомъ Положеніи, съ обязанностію или работъ или оброка, узаконивъ токмо, что крестьянинъ долженъ прежде всего получить въ собственность его усадьбу при однодесятинномъ надѣлѣ. Надѣленія землею въ пользованіе, нельзя смѣшивать съ выкупомъ. Новое Положеніе даетъ право крестьянамъ на извѣстный опредѣленный надѣлъ землею. Это право можетъ быть за ними оставлено, изключивъ только изъ надѣла 1 десятину земли на душу съ усадьбою. Новое Положеніе предоставляетъ крестьянамъ возможность выкупать ихъ надѣлъ. Такъ какъ эта возможность зависитъ отъ воли помѣщика, то очевидно, что выкупъ будетъ слѣдствіемъ добровольной сдѣлки. А такія сдѣлки, какъ сказано выше, не менѣе возможны и при методѣ освобожденія съ самымъ малымъ надѣломъ.

III.

Между многими другими и мы имѣли свой планъ освобожденія крестьянъ.

Начиная говорить о семъ планѣ, мы желали бы увѣрить тѣхъ, кои будутъ читать сіи строки, что мы не приписываемъ нашему плану никакой особенной важности и значительности и не имѣемъ къ нему ни малѣйшаго пристрастія. Въ столь святомъ дѣлѣ каково есть освобожденіе русскихъ крестьянъ, предпочитать свое мнѣніе мнѣнію другихъ, потому только что оно наше, было бы грѣшно; а величаться и хвастаться такимъ простымъ планомъ каковъ нашъ, было бы смѣшно. Не въ мелкомъ и ничего не значущемъ личномъ самолюбіи, ищемъ мы утѣшенія и отрады: и то и другое мы уже нашли въ манифестѣ 19 февраля 1861 года, осуществившемъ мысль освобожденія русскихъ крестьянъ, мысль, которая болѣе всего владѣла нами въ продолженіе всей нашей жизни.

Всегда, съ самаго начала упроченіе за крестьянами безвозмездно ихъ усадьбъ представлялось и признавалось мною однимъ изъ главныхъ условій ихъ освобожденія,

условіемъ sine qua non. И уже за 40 лѣтъ предъ симъ я заявлялъ сіе мнѣніе тѣмъ благороднымъ и благонамѣреннымъ людямъ, кои предпринимали тогда сдѣлать предъ императоромъ Александромъ I. самую серіозную попытку въ пользу освобожденія крестьянъ. Въ послѣдствіи, занявшись изученіемъ постановленія о крестьянахъ послѣдовавшаго въ Пруссіи въ 1811 году, я весьма естественно былъ приведенъ къ мыслямъ, на коихъ основывается мой планъ. Всякій другой человѣкъ, занявшись этимъ дѣломъ, вѣроятно, былъ бы приведенъ къ подобному заключенію. Можетъ быть я занимался прусскимъ положеніемъ съ особеннымъ участіемъ, съ особенною горячностію, потому что освобожденія крестьянъ, такъ какъ и освобожденія всей Пруссіи, былъ главнымъ виновникомъ незабвенный Штейнъ, котораго я зналъ коротко, любилъ и уважалъ отъ всей души.

Если бы тѣ лица, кои составляли Новое Положеніе, были издавна приготовлены къ изслѣдованію вопроса освобожденія; если бы они могли подробнѣе узнать тѣ дѣйствія, кои различныя методы освобожденія имѣли на самомъ опытѣ въ другихъ странахъ; если бы они могли имѣть сношенія и совѣщанія съ нѣкоторыми изъ тѣхъ людей, кои были или главными дѣятелями или разумными свидѣтелями освобожденія; то предположенія ихъ какъ о надѣлахъ землею, такъ въ особенности о выкупѣ, были бы, вѣроятно, иныя. Но этого не было и быть не могло, потому что вопросъ освобожденія былъ у насъ поставленъ почти неожиданно. Никто не былъ приготовленъ къ разрѣшенію. Тутъ, если есть что либо удивительнаго, то это

столь скорое и успѣшное развитіе сего вопроса въ русской литературѣ, заслуги коей въ семъ отношеніи были весьма велики. Прусское законодательство не скрылось отъ ея вниманія. Превосходная статья г. Самарина (одного изъ членовъ Редакціонныхъ коммиссій), помѣщенная въ трехъ номерахъ „Сельскаго благоустройства," весьма удовлетворительно и съ отличнымъ искуствомъ изъясняетъ всю сущность сего постановленія. Я сожалѣлъ только, что авторъ ограничился изложеніемъ прусскаго законодательства и не сдѣлалъ никакого заключенія о примѣненіи тѣхъ же началъ въ Россіи. И такъ прусское законодательство было особенно и вполнѣ извѣстно редакціоннымъ коммиссіямъ, не менѣе, какъ и законы по сему предмету другихъ земель. Къ сожалѣнію оно не проникло въ ихъ убѣжденія, и г. Ростовцевъ, когда, въ разговорѣ съ нимъ о дѣлѣ освобожденія крестьянъ, я ссылался на благодѣтельныя послѣдствія сего законодательства, сказалъ мнѣ: „что Пруссія? Это только двѣ или три наши губерніи!" „Конечно Пруссія была не обширна въ 1811 году и увеличилась только въ послѣдствіи. Но дѣло не въ пространствѣ, а въ принципіи," замѣтилъ я. Впрочемъ г. Ростовцевъ, горячо и честно взявшійся за порученное ему дѣло и падшій жертвою своего усердія, равно какъ и всѣ другіе защитники выкупа и большихъ надѣловъ землею, желали лучшаго. И я желалъ бы и большихъ надѣловъ и выкупа, еслибы постоянное и долговременное размышленіе, подкрѣпляемое свидѣтельствомъ опыта, давно уже меня на сей счетъ не разочаровало!

Главныя основанія прусскаго положенія о крестья-

нахъ, 1811 года, весьма просты и ясны: крестьянамъ предоставлялась въ полную и безусловную собственность половина земли ими занимаемой и обработываемой, за повинности въ пользу помѣщика. Другую половину они обязывались уступить или возвратить помѣщику, и сія уступка долженствовала служить выкупомъ за повинности, коими крестьяне были обязаны помѣщику. Вмѣстѣ съ симъ помѣщикъ, присоединивъ къ своей землѣ половину земли крестьянской, освобождался съ своей стороны отъ всѣхъ обязанностей къ крестьянамъ въ отношеніи содержанія въ надлежащемъ видѣ ихъ домовъ и пр. и пр. Жилища крестьянъ, или, справедливѣе сказать, ихъ усадьбы, оставались за ними безъ всякаго вознагражденія въ пользу помѣщика.

При томъ крестьянамъ было предоставлено право, вмѣсто отвода половины земли помѣщику въ натурѣ, заплатить за оную деньгами, по опредѣленной оцѣнкѣ; для чего правительство ссужало крестьянамъ взаймы нужныя суммы.

Сіи распоряженія касались до всѣхъ крестьянъ вообще, какъ до тѣхъ, кои жили на помѣщичьихъ земляхъ по контрактамъ т. е. имѣли только временное пользованіе землею, такъ и до наслѣдственныхъ, т. е. для тѣхъ, кои имѣли право передавать пользованіе своимъ наслѣдникамъ; съ тою разницею, что сіи послѣдніе обязывались возвратить помѣщику не $^1/_2$, но только $^1/_3$ занимаемой ими земли.

Желая слѣдовать въ точности прусскому положенію, пришлось бы предоставить русскимъ крестьянамъ одну половину, если не $^2/_3$ ихъ надѣла землею, оставивъ за

ними сверхъ того ихъ усадьбы. Великій и превзошедшій всѣ ожиданія успѣхъ прусскаго положенія, коего я былъ свидѣтелемъ уже въ началѣ 1824 года, и который еще болѣе ознаменовался въ послѣдствіи, могъ бы привести меня къ таковому плану и для Россіи. Но во главѣ всѣхъ моихъ предположеній всегда было: оградить прежде всего личность русскаго крестьянина, въ чемъ крестьяне прусскіе не имѣли столь же крайней необходимости; снять съ нихъ тяжелое иго крѣпостнаго состоянія, котораго въ Пруссіи не было. И теперь для меня утѣшительно видѣть, что Манифестъ 19 Февраля и новое Положеніе наиболѣе благотворны именно этимъ, такъ сказать, воскресеніемъ русскаго крестьянина къ новой, человѣческой жизни.

Вмѣстѣ съ симъ я находилъ, что земельные надѣлы различны въ различныхъ мѣстностяхъ и что въ имѣніяхъ оброчныхъ обыкновенно надѣловъ опредѣленныхъ не существуетъ, крестьяне владѣя всею землею оброчнаго имѣнія. Прибѣгать же къ опредѣленію и измѣренію надѣловъ, для меня казалось просто страшнымъ, будучи твердо убѣжденъ, что въ Россіи законоположенія сего рода должны быть сколь возможно просты, несложны, удобоисполнимы и удобопонятны для всѣхъ и каждаго. Редакціонныя коммиссіи конечно совершили этотъ гигантскій трудъ опредѣленія и распредѣленія надѣловъ, съ *высшими* и *низшими* размѣрами; и принявъ правиломъ необходимость такого опредѣленія и распредѣленія, конечно было невозможно разрѣшить задачу точнѣе, справедливѣе, однимъ словомъ лучше. Но самый этотъ успѣхъ Редакціонныхъ коммиссій

въ разрѣшеніи трудной задачи, подтвердилъ прежнее мое убѣжденіе, что такихъ подробностей слѣдовало бы избѣжать. И въ моемъ планѣ, конечно, встрѣчаются большія затрудненія, именно въ отводѣ крестьянамъ ихъ малаго надѣла. Но такихъ затрудненій избѣгнуть невозможно, коль скоро признано будетъ необходимымъ дать крестьянамъ сколько нибудь земли, сверхъ ихъ усадьбъ.

Не менѣе затруднительнымъ казалось мнѣ ввести нѣкоторую пропорціональность надѣловъ ко всему количеству земли, къ селенію принадлежащему. Тутъ опять явилась бы необходимость безконечныхъ изчисленій, размежеваній, необходимость именно всего того, чего, въ Россіи, наипаче избѣгать должно.

Отстраняя такимъ образомъ тѣ методы, кои были наиболѣе сложны и затруднительны въ исполненіи, я пришелъ наконецъ къ заключенію: предоставить крестьянамъ $^1/_3$ всей сельской земли въ ихъ собственность.

Но такъ какъ таковое надѣленіе было бы необходимо сопряжено съ великимъ неравенствомъ надѣловъ и часто съ большимъ ущербомъ для помѣщиковъ; то я, не останавливаясь на опредѣленіи *высшихъ* и *низшихъ* размѣровъ (minimum et maximum), которое опять вовлекло бы исполненіе въ разныя затрудненія и неудобства, рѣшился ограничить сію $^1/_3$ тремя десятинами на тягло или $1^1/_5$ десятины на душу, какъ maximum; такъ что тамъ, гдѣ $^1/_3$ всей сельской земли не составитъ сего 3хъ десятиннаго надѣла на тягло, крестьяне должны довольствоваться и меньшимъ количествомъ земли.

Надѣлъ конечно весьма ограниченный. Но мысль о

преображеніи крѣпостнаго крестьянина въ человѣка свободнаго, превозомгла всѣ другія мои соображенія.

Отличительная черта прусскаго положенія 1811 года есть безвозмездность крестьянскаго надѣла.

Полную справедливость безвозмезднаго надѣла землею крестьянъ, я признавалъ всегда. Изученіе хода крестьянскаго вопроса въ Пруссіи утвердило меня въ семъ убѣжденіи. Когда въ 1808 году дѣло шло въ Пруссіи о предоставленіи въ собственность земли крестьянамъ на казенныхъ земляхъ жувущимъ, государство было въ самомъ бѣдственномъ положеніи и нѣкоторыя изъ занимавшихся симъ дѣломъ лицъ находили полезнымъ и справедливымъ наложить на крестьянъ нѣкоторый выкупный платежъ. Министръ Шроттеръ остановился и доказывалъ, что безмездное надѣленіе крестьянъ землею, давъ имъ возможность улучшить бытъ свой скорѣе и въ болѣе сильной мѣрѣ, будетъ гораздо выгоднѣе, не только для нихъ, но и для самого государства. Первый министръ Штейнъ согласился съ Шроттеромъ, изложивъ свои доводы въ особой, краткой запискѣ, отличающейся, какъ и все, что̀ истекало изъ пера его, здравымъ, глубокимъ пониманіемъ выгодъ государственныхъ. Тогда же было рѣшено и постановлено, что принципій безвозмезднаго надѣленія долженъ быть приложенъ и къ крестьянамъ на помѣщичьихъ земляхъ живущимъ. Въ подкрѣпленіе сего правила безвозмездности, славный историкъ Нибуръ вошелъ въ историческія изслѣдованія о поземельномъ владѣніи, и доказалъ, что въ началѣ, земли, на коихъ живутъ крестьяне, принадлежали не кому другому, какъ

самимъ крестьянамъ, и что это и не могло быть иначе. И у насъ, когда журналы могли обсуживать вопросъ сей, въ одной статьѣ „Сельскаго благоустройства“ весьма основательно было доказано, что крестьяне, въ точности, суть со-владѣльцы земель, кои они обработываютъ.

При открытіи вопроса освобожденія въ Россіи, общимъ мнѣніемъ было признано, что надѣленіе крестьянъ землею можетъ совершиться не иначе какъ посредствомъ выкупа. Такъ какъ выкупъ не могъ быть сдѣланъ на счетъ казны, то слѣдовало, что выкупъ падалъ на самихъ крестьянъ. Видя такимъ образомъ въ одной стороны, всеобщее желаніе денежнаго вознагражденія въ пользу помѣщиковъ за предоставляемую землю крестьянамъ; а съ другой, отвергая безусловно всякій выкупъ земли самими крестьянами, я пришелъ къ заключенію, что не смотря на затруднительное положеніе финансовъ въ теперешнее время, правительство наше можетъ, однакоже, взять на счетъ казны извѣстный капиталъ для приведенія въ дѣйство великой и — въ финансовомъ отношеніи для казны весьма выгодной — мѣры освобожденія, выдавъ помѣщикамъ извѣстное умѣренное вознагражденіе за крестьянскія земли. Изыскивая мѣру сего вознагражденія, я всего болѣе долженъ былъ соображаться съ выгодами казны, и основываясь на разсчетахъ, по коимъ выдаются суммы подъ залогъ помѣщичьихъ имѣній, я пришелъ къ цифрѣ 26 руб. сер. за каждую десятину.

Сіе возмездіе, по моему плану, слѣдовало къ уплатѣ чистыми деньгами только тѣмъ помѣщикамъ, коихъ имѣнія не были въ залогѣ. Съ заложенныхъ въ Опекун-

скихъ совѣтахъ имѣній слѣдовало сложить соразмѣрную часть долга. Вся выкупная сумма, какъ за заложенныя, такъ и за незаложенныя имѣнія, составляла 264 мил. руб. сер.; 36 милiоновъ предназначалось на покупку земель отъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ; при чемъ крестьянамъ ихъ оставлялась земля по общему правилу. Такимъ образомъ весь капиталъ падавшій на казну составлялъ 300 милiоновъ руб. сер. Такъ какъ заложенныхъ въ Опекунскихъ совѣтахъ имѣній гораздо болѣе нежели незаложенныхъ: то на уплату владѣльцамъ сихъ послѣднихъ потребовалось бы не болѣе какъ сто милiоновъ чистыми деньгами, и заемъ, необходимый для сей уплаты, и для зайдаты за земли мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, могъ бы ограничиться суммою 150 милiон. руб. сер.

IV.

Разсмотримъ теперь въ нѣкоторыхъ подробностяхъ различныя возраженія, кои были дѣлаемы противъ моего плана.

Первое состоитъ въ томъ, что сей планъ, предоставляя крестьянамъ извѣстную часть земель принадлежащихъ помѣщикамъ, нарушаетъ право собственности сихъ послѣднихъ.

И такъ, если сіе возраженіе основательно, то прямодушный и извѣстный строгою честностію король Фридрихъ Вильгельмъ III, его столь же честный какъ и геніальный министръ Штейнъ, его знаменитый канцлеръ Гарденбергъ, всѣ ихъ въ различныхъ отношеніяхъ знаменитые сотрудники: Шроттеры, Штегеманъ, Нибуръ и пр. и пр. и наконецъ, всѣ добросовѣстные люди не только въ Пруссіи, включая въ ихъ число огромное большинство самихъ помѣщиковъ, но и всѣ просвѣщенные люди Германіи и даже Европы, кои рукоплескали благому законоположенію — всѣ они были нарушители „священныхъ правъ собственности!!“

Очевидно, что возраженіе, при малѣйшемъ размы-

шленіи, обращается въ пустую фразу, а въ Россіи во что-то хуже пустой фразы, когда мы вспомнимъ болѣе нежели двухъ вѣковыя страданія русскаго крѣпостнаго человѣка подъ незаслуженнымъ и даже не закономъ, а болѣе обычаемъ, установленнымъ игомъ рабства!

Нѣтъ! нѣтъ! императоръ русскій имѣлъ полное, неоспоримое право, доходящее до обязанности, и предъ Богомъ и предъ собственною своею совѣстію и предъ совѣстію всѣхъ честныхъ людей въ мірѣ, удѣлить освобождаемымъ крестьянамъ часть той земли, которую отцы и прадѣды ихъ, и они сами, такъ долго орошали всегда своимъ потомъ и слишкомъ часто своею кровію.

Но допустимъ на минуту основательность сего неосновательнаго, рѣзко безнравственнаго возраженія и положимъ, что правительство, объявивъ нѣсколько разъ, что земля принадлежитъ помѣщикамъ, не могло или не хотѣло прямо и просто даровать крестьянамъ части сей помѣщичьей земли. Что, въ семъ случаѣ, оставалось сдѣлать правительству? Оно не могло и не хотѣло ограничиться личнымъ освобожденіемъ крестьянъ, безъ земли и даже безъ усадьбъ. Это ясно и неоспоримо. И такъ оно могло обратиться только къ средству выкупа. Но непосредственный, немедленный выкупъ чрезъ добровольныя ли сдѣлки или на основаніи правилъ правительствомъ указанныхъ, былъ очевидно невозможенъ, несбыточенъ. Такимъ образомъ правительство принуждено было прибѣгнуть прежде всего къ обязательному надѣлу крестьянъ землею, обязательному какъ для помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ. Отстраняя крестьянъ, на коихъ обязатель-

ность возлагается единственно въ выгодахъ помѣщика, мы опредѣлимъ только обязательность надѣла въ отношеніи къ сему послѣднему. Что значитъ для него сей обязательный надѣлъ? Такой надѣлъ есть не что иное какъ принудительное отчужденіе части его земель, его „собственности," въ пользованіе постоянное крестьянъ. Начало, принципій такъ называемаго „священнаго права собственности" нарушается въ семъ случаѣ точно также какъ и въ первомъ случаѣ, т. е. при дарованіи крестьянамъ части земли. Обстоятельство, что земля предоставляется крестьянамъ въ пользованіе за повинность, т. е. за работу или за оброкъ, не опровергаетъ нашего заключенія, тѣмъ болѣе, что и сія повинность не предоставляется ни на волю помѣщика, ни на добровольное соглашеніе его съ крестьянами, а предопредѣляется закономъ.

Изъ сего слѣдуетъ, что возраженіе на нарушеніи права собственности основанное, если оно будетъ допущено, равно должно быть прилагаемо и относимо какъ къ нашему плану, такъ и къ Новому Положенію о крестьянахъ, правительствомъ изданному, и будетъ всегда прилагаться ко всѣмъ какимъ бы то ни было постановленіямъ, основаннымъ на освобожденіи крестьянъ съ землею.

Другое возраженіе, которое было неизмѣнно дѣлаемо противъ моего плана, состоитъ въ томъ, что крестьяне получаютъ слишкомъ мало земли.

Такъ конечно. Но эту малую часть крестьяне получаютъ даромъ! Если у крестьянъ будутъ средства, деньги, то они будутъ покупать для себя землю. Въ

противномъ случаѣ они будутъ ее нанимать, или сами наниматься въ работу у помѣщиковъ по вольнымъ цѣнамъ.

Если же правительство находитъ, что при такомъ ограниченномъ надѣлѣ и при такомъ вольномъ трудѣ, участь крестьянина не обезпечивается надлежащимъ образомъ, то ничто не мѣшало, какъ мы сказали выше, упрочивъ за крестьянами предлагаемый мною надѣлъ, оградить его бо̀льшимъ полевымъ надѣломъ на тѣхъ же основаніяхъ, какія приняты въ Новомъ Положеніи; т. е. такъ чтобы крестьянинъ, получивъ предлагаемый мною надѣлъ, имѣлъ то же право на постоянное пользованіе или даже на выкупъ надѣла Новымъ Положеніемъ установляемаго.*)

Можно было бы итти далѣе и предоставить на выборъ крестьянъ: или удовольствоваться моимъ малымъ надѣломъ, или, отказавшись отъ онаго, требовать бо̀льшаго, по Новому Положенію, надѣла. Это было бы для крестьянъ стѣснительно; но по крайней мѣрѣ такимъ постановленіемъ отстранялся бы не только всякій поводъ къ возраженію, въ ограниченности надѣла состоящему, но и то возраженіе, которое можно было предвидѣть, на стѣсненіи помѣщиковъ основанное.

Такимъ образомъ возраженіе на ограниченности надѣловъ основанное, если бы оно было принято въ уваженіе, могло быть отстранено тѣми самыми постановленіями, кои нынѣ узаконяются правительствомъ.

---

*) Подобное дополненіе къ моему плану было уже предлагаемо. См. Un dernier mot sur l'émancipation des serfs en Russie. p. 74. Paris. 1860.

Еще одно возраженіе противъ моего плана состояло въ томъ, что при теперешнемъ положеніи финансовъ, было бы затруднительно для правительства употребить 300 милліонновъ руб. сер. на дѣло освобожденія.

Здѣсь мы не можемъ не замѣтить, что австрійское правительство, коего финансы уже и въ 1849 году были въ великомъ разстройствѣ, съумѣло тогда посвятить по крайней мѣрѣ 500 миліон. гульденовъ, т. е. болѣе 300 мил. руб. сер. на дѣло освобожденія или справедливѣе сказать на упроченіе за крестьянами ихъ земель; между тѣмъ какъ сей вопросъ не представлялъ, для Австріи, той жизненной, все превышающей важности, каковую онъ представлялъ нынѣ для Россіи; не говоря уже о томъ, что благодѣяніе распространялось, въ Россіи, на несравненно большее число людей.

Сверхъ сего скорое и рѣшительное устроеніе у насъ самобытныхъ крестьянъ и ихъ вольнаго труда, обѣщало, въ непродолжительномъ времени, такого развитія и усиленія въ промышлености и слѣдовательно такого приращенія въ доходахъ государственныхъ, что пожертвованіе со стороны правительства 300 мил. руб. сер. обратилось бы такъ сказать въ ссуду, и уплата сей ссуды, косвеннымъ образомъ, послѣдовала бы гораздо въ менѣе продолжительный срокъ, нежели 49 лѣтъ признаваемыхъ необходимыми для погашенія выкупныхъ капиталовъ.

Сего недовольно. Пристальнѣе разсматривая дѣло, мы найдемъ, что правительство имѣетъ уже въ рукахъ своихъ нужныя суммы для уплаты процентовъ и для

погашенія не только 150 мил. кои слѣдовало бы занять, но и всего капитала 300 мил. руб. сер. и имянно:

Принимая на себя выдачу помѣщикамъ банковыхъ билетовъ и выкупныхъ свидѣтельствъ, равно какъ и обязанность платить по онымъ слѣдующіе помѣщикамъ проценты, и опредѣляя, что крестьяне будутъ вносить выкупные платежи прямо въ казну, вмѣстѣ съ другими налогами, правительство весьма здраво предвидѣло, что по симъ послѣднимъ платежамъ неизбѣжно явятся недоимки. Для покрытія сихъ недоимокъ, оно приготовило нѣкоторые источники, по управленію государственныхъ имуществъ, долженствующіе приносить правительству извѣстныя суммы, кои, по словамъ г. Ростовцева, могутъ простираться до 15ти мил. руб. сер. ежегодно. Такихъ средствъ конечно было бы достаточно и для уплаты процентовъ по сдѣланному долгу, и для погашенія онаго.

И такъ изчисленныя здѣсь возраженія противъ моего плана, не заключаютъ въ себѣ ничего особенно уважительнаго. Но новое возраженіе можетъ быть выведено изъ самаго положенія, коимъ устроивается крестьянское дѣло, и именно изъ того узаконенія, по коему крестьяне обязываются принимать опредѣленный для нихъ надѣлъ земли и платить за оный работою или оброкомъ; между тѣмъ какъ по моему плану крестьянинъ получившій полагаемый мною надѣлъ, могъ немедленно отказаться отъ всякихъ иныхъ поземельныхъ надѣловъ.

Возраженіе было бы справедливо. Но мы, въ оправданіе, сошлемся на основное начало, которое, казалось

намъ, было вообще принято, оглашено торжественнымъ изъясненіемъ С. Петербургскаго дворянства и наконецъ самымъ манифестомъ 19го Февраля, и въ томъ состоящее, что личность крестьянина не можетъ подлежать никакому выкупу, слѣдственно никакому въ пользу помѣщика налогу, и что благородное россійское дворянство вообще добровольно отказалось отъ всякихъ правъ на личность крѣпостныхъ людей.

Конечно обязанность принимать землю въ пользованіе имѣетъ свои предѣлы, и по истеченіи 9 лѣтъ, крестьяне будутъ въ правѣ отказываться отъ полевыхъ надѣловъ. Не менѣе того сія обязанность, хотя и временная, не согласна съ постановленнымъ и провозглашеннымъ основнымъ началомъ.

Мы весьма хорошо понимаемъ, что таковое отступленіе отъ принятаго правила имѣетъ свои причины: законодатель искалъ, по возможности, обезпечить владѣльцевъ въ такихъ краяхъ гдѣ земли вообще весьма плохи и гдѣ ихъ весьма много. Въ такихъ мѣстностяхъ наемъ и выкупъ земли можетъ быть весьма мало привлекателенъ для крестьянъ. Но намъ кажется, что привязанность русскаго крестьянина, такъ какъ и всякаго человѣка, къ своей родной землѣ, на которой онъ доселѣ жилъ и которая его, дурно или хорошо, кормила; что привычка вообще, привела бы крестьянъ къ желанію и нанять и пріобрѣсть землю, если впрочемъ цѣна не будетъ превышать дѣйствительной ея стоимости. Намъ кажется также, что и въ семъ случаѣ крестьяне не оправдали бы тѣхъ опасеній, кои возникли въ мнѣніи

общемъ и выразились наконецъ въ постановленіяхъ законодателя.

Но если бы и встрѣтились такіе случаи, въ коихъ крестьяне не захотѣли бы ни нанимать ни выкупать своихъ полевыхъ надѣловъ даже и за самую умѣренную плату, что̀ впрочемъ можетъ быть только весьма рѣдкимъ исключеніемъ; то справедливѣе и полезнѣе было бы прежде всего изслѣдовать сіи случаи и по томъ, изчисливъ и опредѣливъ оные, предоставить владѣльцамъ нѣкоторое возможное вознагражденіе, справедливѣе и полезнѣе, нежели, провозгласивъ основнымъ началомъ полное освобожденіе личности крестьянина, немедленно отступать отъ сего начала.

Другое возраженіе, которое можетъ быть выведено изъ Новаго Положенія противъ моего плана, состоитъ въ томъ, что сей послѣдній не говоритъ ни о какомъ содѣйствіи крестьянамъ въ дѣлѣ выкупа земель со стороны правительства. Возраженіе было бы справедливо; но не смотря на сіе, оно не довольно значительно для того чтобы, основываясь на немъ изключительно, отказаться отъ плана. Неужели русское казначейство дошло до такой крайности, что оно не въ силахъ сдѣлать того, что̀ Австрія сдѣлала въ 1849 году, что̀ Пруссія сдѣлала въ 1808, т. е. въ годину самую бѣдственную ея государственнаго бытія? Правительство, какъ мы видѣли, нашло до 15 мил. для покрытія ежегодныхъ недоимокъ по дѣламъ выкупа. Посредствомъ сбереженій, не только по управленію государственныхъ имуществъ, но и по другимъ вѣдомствамъ, посредствомъ продажи нѣкоторыхъ оброчныхъ статей,

даже посредствомъ займа иностраннаго или наконецъ посредствомъ уплаты обыкновенными государственными 5ти процентными билетами, казначейство, конечно, нашло бы возможность ссужать крестьянамъ нужныя для выкупа деньги, и сіе тѣмъ болѣе, что при моемъ планѣ, крестьяне требовали бы содѣйствія правительства гораздо рѣже нежели при Новомъ Положеніи.

V.

Теперь да позволено намъ будетъ сравнить то положеніе, въ коемъ крестьянинъ нашелся бы, при его освобожденіи, по нашему плану, съ тѣмъ, въ коемъ онъ находитъ себя по новому устройству.

По обнародованіи моего плана, въ продолженіе одного года, крестьянинъ могъ бы вступать во всякія полюбовныя сдѣлки съ помѣщикомъ на счетъ пріобрѣтенія земли и. т. п.

Крестьяне могли бы рѣшаться на сіи сдѣлки съ тѣмъ большею отчетливостію, что они знали бы напередъ какой надѣлъ ихъ ожидаетъ, если они въ такія сдѣлки не вступятъ. Такимъ образомъ они могли бы размыслить и обсудить до какой степени для нихъ выгоднѣе или заключить добровольный договоръ съ помѣщикомъ, или ожидать надѣла землею планомъ моимъ имъ предоставляемаго.

Въ тѣхъ имѣніяхъ, въ коихъ по прошествіи года такихъ сдѣлокъ между помѣщикомъ и крестьянами заключено не будетъ, крестьяне получили бы $^1/_3$ всей сельской земли, включая и усадьбы, треть какъ по количеству

такъ и по качеству, но съ тѣмъ, чтобы сія треть не превышала 3хъ десятинъ на тягло или $1^1/_5$ дес. на душу.

По отводѣ сего надѣла, для чего, при надлежащемъ тщаніи, достаточно было бы одного года, крестьяне всѣхъ мѣстностей дѣлались совершенно независимыми отъ помѣщика и только по добровольнымъ соглашеніямъ могли или пріобрѣтать, или нанимать, или обработывать помѣщичью землю.

Въ таковомъ положеніи крестьянъ свободный переходъ ихъ съ одного мѣста на другое не встрѣчалъ бы иныхъ препятствій кромѣ тѣхъ, кои, будучи внѣ предѣловъ всякаго крестьянскаго устройства, зависятъ отъ другихъ государственныхъ узаконеній, заключаясь въ подушномъ окладѣ, въ рекрутской повинности въ теперешнемъ ея видѣ. Таковая бо́льшая возможность переходить съ одного мѣста на другое необходима для основанія настоящаго вольнаго труда крестьянъ, въ отношеніи коихъ всѣ надежды дѣйствительнаго улучшенія ихъ быта сосредоточиваются наиболѣе въ семъ вольномъ трудѣ.

Такимъ образомъ крестьяне, по прошествіи только двухъ лѣтъ, могли бы быть свободными, получивъ въ личную собственность ихъ усадьбы и въ общественное владѣніе остальную часть ихъ надѣла.

По Новому Положенію, состояніе крестьянъ, какъ мы видѣли выше, будетъ слѣдующее:

Всѣ крестьяне вообще удерживаютъ свои усадьбы и получаютъ извѣстный надѣлъ землею, для обезпеченія ихъ въ продовольствіи и въ исполненіи повинностей.

Крестьяне барщинные должны оставаться на барщинѣ въ продолженіе 2хъ лѣтъ. Конечно барщина, противъ прежняго, облегчается въ сильной степени. Чрезъ 2 года они переходятъ на оброкъ.

Крестьяне оброчные обязаны платить извѣстный оброкъ, разчисленный по количеству земли, коею они надѣляются.

Крестьяне имѣютъ право выкупать свои усадьбы.

Къ выкупу полеваго надѣла крестьяне приступать могутъ не иначе какъ съ согласія помѣщика.

Выкупный оброкъ вообще, съ нѣкоторыми, можетъ быть, изключеніями, равняется оброку обыкновенному, такъ что, на примѣръ, капитализируя по 6 % 9 рублевый оброкъ, выйдетъ капитала 150 руб. сер. а шести процентный выкупный платежъ съ онаго, составляетъ также 9 руб. сер. Сей выкупный платежъ совершается въ продолженіе 49 лѣтъ.

Сіи различныя обязанности налагаемыя на крестьянъ: обязанность оброка или работы, обязанность платить выкупный оброкъ, продолжая привязывать ихъ къ общинѣ, къ землѣ, необходимо должны быть стѣснительны для перехода ихъ съ одного мѣста на другое, и чрезъ то препятствовать основанію настоящаго вольнаго труда.

Сравнивая состояніе крестьянъ по моему плану и по Новому Положенію, мы найдемъ, что въ семъ послѣднемъ, крестьяне находятъ ту выгоду, что они обезпечиваются достаточнымъ, по возможности, надѣленіемъ земли. Но мы изъяснили выше, что таковое обезпеченіе могло бы быть даровано крестьянамъ и при нашемъ планѣ. Чтожь

касается до выкупа земель крестьянами; то Новое Положеніе едва ли представляетъ какія либо особенныя удобства или выгоды для крестьянъ противъ нашего плана; такъ какъ выкупъ, завися отъ согласія помѣщика, превращается просто въ добровольныя сдѣлки, моимъ планомъ равно принимаемыя. Между тѣмъ очевидно, что относительно *вольнаго труда* нашъ планъ представляетъ для крестьянъ болѣе возможности, болѣе простора, нежели Новое Положеніе.

Такимъ образомъ мы не можемъ не заключить, что нашъ планъ былъ бы выгоднѣе для крестьянъ; выгоднѣе уже потому что они получили бы небольшой свой надѣлъ безвозмездно.

Отъ крестьянъ обращаясь къ помѣщикамъ, мы не можемъ притти столь прямо и просто и съ тою же ясностію къ заключенію, что и для сихъ послѣднихъ нашъ планъ равномѣрно выгоднѣе нежели Новое Положеніе. Не менѣе того мы представимъ нѣкоторыя соображенія въ подкрѣпленіе таковаго заключенія.

По уничтожніи крѣпостнаго права выгоды помѣщика, здраво понимаемыя, могутъ состоять не въ удержаніи какихъ либо слѣдовъ и оттѣнковъ прежняго крѣпостнаго состоянія, отношеній истекающихъ изъ разрушеннаго порядка, и напоминающихъ прежнюю неволю и прежнее полновластіе; но, напротивъ того, въ упроченіи для крестьянъ возможно полной самостоятельности и независимости. Тутъ не можетъ бытъ той *благой среды* (juste milieu), которая такъ привлекательна для людей желающихъ из-

бѣгать такъ называемыхъ крайностей, ищущихъ ея вездѣ и во всемъ и иногда даже между очевиднымъ добромъ и очевиднымъ зломъ, между очевидною правдою и очевидною ложью.*) Въ отсутствіи крѣпостнаго права, для помѣщика гораздо выгоднѣе имѣть дѣло съ самостоятельнымъ сосѣдомъ, который или купитъ или наймет его землю, или будетъ ее обработывать по вольнымъ цѣнамъ, нежели съ полувольнымъ, временно обязаннымъ, бывшимъ его крѣпостнымъ крестьяниномъ. Если бы неизбѣжныя столкновенія, кои будутъ встрѣчаться между помѣщиками или крестьянами въ продолженіе сего переходнаго, девятилѣтняго періода, могли совершенно прекратиться по прошествіи сего срока и безъ дальнѣйшихъ неудобствъ, не оставляя непріязненныхъ слѣдовъ; то отношенія свойственныя лицамъ вполнѣ независимымъ одно отъ другаго, могли бы еще въ послѣдствіи водвориться между помѣщиками и крестьянами. Но, къ сожалѣнію, и по всѣмъ вѣроятностямъ сіи столкновенія, сіи болѣе или менѣе принужденныя отношенія между помѣщикомъ и крестьяниномъ, должны породить между ними нѣкоторое взаимное недоброжелательство, взаимное раздраженіе, кои помѣшаютъ — и, можетъ быть, надолго — окончательному утвержденію мира и благоволенія между двумя сословіями, благоволенія, столь необходимаго для обоюднаго ихъ благосостоянія.

---

*) „Дважды два четыре," говоритъ А. „Дважды два шесть," говоритъ Б. „Не вдавайтесь въ крайности; лучше держаться середины," восклицаетъ С. „Дважды два не четыре и не шесть, а ровно пять!"

Крестьяне смиренно покорялись всему при безотвѣтности и при полной безправности бывшаго ихъ крѣпостнаго состоянія. Не то будетъ при полусвободѣ временно обязательнаго ихъ состоянія.

Идя далѣе въ разсмотрѣніи вопроса и ограничиваясь тѣмъ, что содержится въ нашемъ планѣ, т. е. простымъ отводомъ крестьянамъ трехъ-десятиннаго надѣла съ усадьбами на тягло, и отстраняя всякіе иные надѣлы предназначаемые для обезпеченія крестьянъ въ ихъ существованіи, мы спрашиваемъ: не лучше ли было бы для помѣщика, отдѣлить такой надѣлъ крестьянамъ немедленно и разъ навсегда, и остаться, также немедленно, полнымъ владѣльцемъ всей остальной сельской земли; нежели отводить гораздо болѣе значительный надѣлъ землею, съ правомъ или взимать извѣстный оброкъ съ крестьянъ или получать выкупный платежъ отъ правительства, имѣя притомъ въ виду и уплату капитала по банковымъ билетамъ и свидѣтельствамъ? Намъ кажется, что тѣ помѣщики, кои сами занимаются своимъ сельскимъ хозяйствомъ, должны предпочесть всему иному скорую, окончательную, полную развязку ихъ дѣла съ крестьянами. Въ возможности свободно разпоряжаться остальною, за малымъ надѣломъ, землею помѣщичьею, они найдутъ болѣе выгодъ, нежели въ стѣснительности переходнаго состоянія крестьянъ, или въ уступкѣ земли за выкупъ, когда самое количество земли, въ распоряженіи помѣщика остающейся, значительно уменьшается.

Для тѣхъ помѣщиковъ, кои не живутъ въ своихъ имѣніяхъ и слѣдственно не занимаются сами сельскимъ

хозяйствомъ, продолжать получать почти прежній же оброкъ съ крестьянъ за отведенные имъ по закону надѣлы, можетъ казаться выгоднѣе, нежели отдѣлить имъ малый надѣлъ однажды навсегда, и по томъ хлопотать объ отдачѣ въ наемъ остальной своей земли. Но здѣсь мы замѣтимъ, что и при большихъ, Новымъ Положеніемъ узаконенныхъ надѣлахъ, за помѣщикомъ всегда останется извѣстное количество земли, объ отдачѣ въ наймы или объ обработываніи коей вольнымъ трудомъ, онъ также будетъ обязанъ хлопотать. Такимъ образомъ хлопоты неизбѣжны какъ при маломъ такъ и при большомъ надѣлѣ. Впрочемъ отдать остальную землю въ наемъ, помѣщикъ можетъ только тѣмъ же самымъ крестьянамъ, кои получили отъ него надѣлъ, если только они на то будутъ согласны. Отдать крестьянамъ постороннимъ будетъ невозможно, не подавъ повода къ столкновеніямъ и даже къ сопротивленію со стороны тутошнихъ крестьянъ, кои, въ притязаніяхъ своихъ, будутъ ссылаться на то, что платятъ сему же помѣщику оброкъ за ихъ надѣлы. Принимая въ соображеніе всѣ сіи обстоятельства, нельзя не заключить, что и для такихъ помѣщиковъ, отсутствующихъ изъ своихъ имѣній, было бы выгоднѣе, отдѣлавшись совершенно отъ крестьянъ малымъ, безвозмезднымъ надѣломъ, стать въ возможность свободно располагать остальною сельскою землею безъ всякаго препятствія и прекословія.

У насъ говорятъ иногда объ отдачѣ имѣній въ аренду. Намъ кажется, что сіе средство получать доходъ съ имѣній можетъ быть съ пользою и безопасностію упо-

треблено тогда только, когда всѣ отношенія по владѣнію или пользованію землями, окончательно прекратятся между помѣщиками и крестьянами. Дотолѣ, особливо при такъ называемомъ переходномъ состояніи, прибѣгать къ арендной методѣ будетъ совершенно невозможно.

Самая существенная и, въ особенности, привлекательная выгода представляемая для помѣщиковъ Новымъ Положеніемъ, состоитъ въ выручкѣ, посредствомъ выкупа, рано или поздно, капитальной суммы, въ возмездіе за крестьянскіе падѣлы. Но сія выручка будетъ необходимо зависѣть отъ большей или меньшей уступчивости помѣщиковъ. Крестьяне врядъ ли будутъ выкупать землю по дорогой цѣнѣ. И такъ помѣщикъ, желающій выкупа, желающій выручить капиталъ, долженъ будетъ понизить цѣны. На такія низкія цѣны иные помѣщики, желающіе имѣть въ болѣе скоромъ времени чистыя деньги, конечно согласятся, не смотря на то, что погашеніе билетовъ и свидѣтельствъ будетъ совершаться медленно. Но помѣщики разсчетливые на низкія цѣны не согласятся, зная, что земли, со временемъ, будутъ возвышаться въ цѣнахъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что здѣсь усматриваемъ мы одно изъ многихъ затрудненій методы выкупа и что 49 лѣтній срокъ, полагаемый для окончательнаго освобожденія крестьянъ съ ихъ землею, начинается токмо со времени сдѣлки о выкупѣ; такъ что для тѣхъ крестьянъ, кои приступятъ къ выкупу черезъ 20 лѣтъ со дня сего, выкупъ кончится съ сего же дня чрезъ 69 лѣтъ, и т. д. такимъ образомъ всеобщій выкупъ можетъ не кончиться никогда.

Какъ бы то ни было, надежда выручить за уступленныя земли соотвѣтственный капиталъ и существенна и особливо привлекательна для помѣщиковъ. Но и по нашему плану помѣщики не остаются вовсе безъ возмездія: они получаютъ 26 руб. сер. за каждую десятину. Эта цѣна, для многихъ мѣстностей конечно весьма недостаточная, будетъ однакоже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ почти соотвѣтствовать полной стоимости земель. Впрочемъ если цѣна не высока, то и количество земли, требуемое отъ помѣщиковъ, весьма ограниченно и если въ странахъ гдѣ земля хороша и дорога, сіе вознагражденіе помѣщиковъ наиболѣе скудно; то не слѣдуетъ забывать, что они удерживаютъ за собою болѣе сей хорошей и дорогой земли, нежели сколько оставляетъ за ними Новое Положеніе, и при продажѣ сей земли въ послѣдствіи, помѣщики выручатъ за оную конечно болѣе нежели сколько могутъ обѣщать имъ „банковые билеты“ и „свидѣтельства.“

И такъ принимая въ соображеніе всѣ тѣ обстоятельства, въ кои ставитъ помѣщиковъ Новое Положеніе и настаивая особенно на первомъ изъ нашихъ замѣчаній по сему предмету, касающемся до неопредѣлительности взаимныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами не только въ продолженіе первыхъ 9 лѣтъ, но и въ послѣдствіи, до самаго выкупа земель крестьянами, мы, по совѣсти, не можемъ признать, чтобы сіе Новое Положеніе было для помѣщиковъ выгоднѣе, нежели метода, нашимъ планомъ предлагаемая.

Для крестьянъ сія послѣдняя, какъ мы показали, рѣшительно выгоднѣе.

Чтожь касается до выгодъ общихъ, государственныхъ; то, по нашему глубокому убѣжденію, одна возможность основанія настоящаго *вольнаго труда*, покрывающая всѣ недостатки нашего плана, заставляетъ насъ держаться его болѣе нежели когда либо.

Болѣе нежели когда либо я остаюсь также убѣжденнымъ, что надѣленіе крестьянъ землею должно быть для нихъ безвозмездное. Если не возможно предоставить имъ достаточнаго количества земли, то надлежитъ дать имъ немного, но даромъ. Тѣ изъ крестьянъ кои будутъ имѣть на то и охоту и средства, будутъ покупать землю по вольнымъ цѣнамъ. Если же сихъ средствъ не существуетъ, и для огромнаго большинства крестьянъ вышедшихъ изъ вѣковаго рабства существовать не можетъ; то позволеніе или даже право выкупать или, справедливѣе сказать, покупать землю, дѣлу не поможетъ. Новое Положеніе ясно показываетъ, что всѣ главнѣйшія затрудненія въ желательномъ исполненіи дѣла освобожденія, всѣ препятствія *вольному труду* проистекаютъ наиболѣе отъ принятой методы выкупа.*) Вольный трудъ всего дороже

---

*) Извѣстно, что въ началѣ XIV столѣтія французскій король Лудовикъ X издалъ пышный указъ объ освобожденіи крестьянъ, который однакоже не имѣлъ никакаго дѣйствія и оставилъ народъ въ прежнемъ положеніи. Я нахожу въ одномъ французскомъ журналѣ, разсуждающемъ, по своему, о Манифестѣ 19 Февраля, слѣдующія слова:

Un évènement mémorable de l'histoire de France, l'ordonnance d'affranchissement des communes en 1315, offre beaucoup d'analogie avec l'ukase du 3 mars. Louis X se servait alors de termes bien plus énergiques que l'empereur de Russie: „Considérant que notre royaume est nommé le royaume des Franks, et voulant que véritablement la chose soit conforme au

для крестьянъ, не говоря уже о выгодахъ его для государства.

---

mot . . . . avons ordonné que . . . . tous les serfs puissent recevoir leur affranchissement à de bonnes et louables conditions . . . etc.“ . . . On sait quel fut le résultat de cette ordonnance. La liberté paraissant mise à trop haut prix, personne n'en voulut profiter. C'est ce qui donna lieu á l'ordonnance qui parut quelques mois plus tard, où le roi ordonne „de tailler, autant qu'il sera possible, les sujets qui refusent de se racheter.“

VI.

Въ самомъ началѣ мы замѣтили, что тѣ, кои участвовали въ составленіи и начертаніи Новаго Положенія, найдутъ для себя бремя негодованія, со стороны противниковъ, легкимъ — теперь, когда успѣхъ увѣнчалъ ихъ трудъ, столь же огромный, какъ и добросовѣстный. Но намекнувъ на негодованія, на сопротивленія, проявлявшіяся, къ сожалѣнію, слишкомъ рѣзко и настойчиво во все продолженіе обсужденія вопроса освобожденія — не могли ли мы тутъ же замѣтить и замѣтить съ нѣкоторою довѣрчивостію, что всѣмъ симъ спорамъ, всѣмъ недоразумѣніямъ, непониманіямъ, всѣмъ нападкамъ и клеветамъ, всѣмъ опасеніямъ и страхамъ, манифестъ 19 Февраля и самый уставъ положили рѣшительный и счастливый конецъ?

И подлинно: какой разсудокъ останется неубѣжденнымъ, какое сердце нетронутымъ, при чтеніи этаго Манифеста, сего истиннаго благовѣстія освобожденія? Онъ дышетъ чистымъ усердіемъ къ святому дѣлу, любовью и благоволеніемъ къ людямъ всѣхъ сословій.

А если этого не довольно, то пусть тѣ, кои питаютъ еще нѣкоторыя сомнѣнія, пусть взглянутъ они на непо-

средственный успѣхъ, коимъ увѣнчался славный подвигъ государя-освободителя, т. е. на тотъ отголосокъ, коимъ провозглашеніе свободы отозвалось въ душѣ освобожденнаго русскаго народа. Глубоко тронутый, глубоко обрадованный, онъ пребылъ въ какомъ-то благоговѣйномъ спокойствіи, выражая и свое счастіе и свою признательность за неоцѣнимое благодѣяніе съ неизъяснимымъ достоинствомъ, съ разумною отчетливостію, съ здравымъ сознаніемъ того, что̀ для него сдѣлано и что̀ онъ самъ дѣлаетъ.

Крестьяне русскіе всегда заслуживали свободы, потому уже что они люди. Но если судьбами неисповѣдимыми, они были лишены ея и если трехъ-вѣковое ихъ закрѣпощеніе должно было породить различные уродливые предразсудки на счетъ ихъ способности быть свободными, то теперь всѣ слѣды сихъ бѣдовыхъ предразсудковъ должны изчезнуть.

Поймутъ ли наконецъ и сами русскіе все это достоинство, все это величіе русскаго простаго человѣка? Авось, поймутъ! Но доселѣ они ни того ни другаго рѣшительно не понимали. И прямымъ доказательствомъ сему служитъ то, что въ Новомъ Положеніи, въ Положеніи, сопровождающемъ Манифестъ, это *благовѣстіе освобожденія*, рѣчь идетъ еще о розгахъ!

Грустно, тажело подуматъ, что изъ 20 членовъ Редакціонныхъ Коммиссій, людей по большей части образованныхъ, просвѣщенныхъ, на избраніе коихъ указывало мнѣніе общее, что изъ сихъ 20 человѣкъ нашлось болѣе половины, кои думаютъ, или по крайней мѣрѣ думали,

что съ русскимъ человѣкомъ безъ розогъ обойтись нельзя! Полагаемъ, что послѣ свидѣтельствъ опыта, увидѣвъ какъ народъ принялъ, какъ понялъ и какъ оцѣнилъ свое освобожденіе, ни одна рука не поднялась бы на написаніе розогъ въ числѣ законныхъ наказаній для такихъ людей.

Еще нѣсколько, не много лѣтъ — когда страсти успокоятся, когда умы просвѣтлятся, когда люди будутъ научены самымъ опытомъ — никто не будетъ жалѣть минувшей старины; всѣ, напротивъ того, будутъ удивляться какъ такая чудовищная уродливость могла существовать такъ долго и какъ она не была уничтожена Петромъ I, Екатериною II, Александромъ I, особенно послѣ 1812 года. Останется, въ памяти народной, воспоминаніе о вѣковомъ закрѣпощеніи, какъ осталось воспоминаніе о вѣковомъ Татарскомъ игѣ. Для Россіи это будетъ другой тяжелый сонъ, отъ коего она пробудилась, такъ какъ пробудилась отъ перваго. Для великаго все велико: и зло и добро. Россія пережила двѣ бѣдовыя эпохи, которыя уморили бы иное государство. Испытавъ великое зло, да будетъ для нея отнынѣ удѣломъ столь же великое добро!

Какъ особенно не благодарить намъ милосердое Провидѣніе за то, что великое дѣло освобожденія совершается именно въ нынѣшнее время, не позже, когда мы видимъ, что на другомъ краю свѣта, народъ справедливо гордившійся своимъ величіемъ, своею гражданскою, политическою и религіозною образованностію, своею свободою, своими богатствами, — гибнетъ, и гибнетъ единственно отъ того, что основное законодательство сего народа, по

какому-то роковому злосчастію, было заражено заразою рабства! Рабство, одно рабство, на нашихъ глазахъ, губитъ народъ Америки, не прожившій еще ста лѣтъ въ своемъ обновленномъ быту, и удивившій уже, въ это короткое время, весь свѣтъ своимъ безпримѣрнымъ развитіемъ, силою и могуществомъ, всѣми успѣхами жизни народной и государственной. Дорого заплатитъ Америка и съ нею, можетъ быть, весь образованный свѣтъ, за то, что сохранила въ нѣдрахъ своихъ это зло неправды и несправедливости.*)

*) Все высказанное нами здѣсь есть выраженіе первыхъ впечатлѣній по полученіи Манифеста.

VII.

Преобразованіе всего быта 23 милiоновъ крѣпостныхъ крестьянъ влекло за собою явную необходимость дальнѣйшаго устройства Управленія симъ многочисленнымъ классомъ россійскихъ подданныхъ. Сей предметъ не входилъ, какъ видно, въ составъ занятій Редакціонныхъ Коммиссій, которыя ограничились токмо установленіемъ нѣкоторыхъ присутствій и назначеніемъ чиновниковъ, необходимыхъ для приведенія Новаго Положенія въ надлежащее исполненіе. Между тѣмъ проявлялись, однакоже, нѣкоторые прозкты по части управленія освобождаемыми крестьянами. Одни думали о назначеніи по всему пространству имперіи особыхъ генералъ-губернаторовъ, уѣздныхъ начальниковъ, уѣздныхъ и губернскихъ присутствій; другіе объ учрежденіи особаго главнаго управленія. Сія послѣдняя мысль казалась весьма простою и естественною, такъ какъ въ Россіи существуютъ уже особыя управленія для имѣній удѣльныхъ, для государственныхъ имуществъ и пр. и пр. Но таковое раздробленіе силъ правительственныхъ было бы очевидно сопря-

жено съ самыми великими неудобствами. Выдѣливъ изъ общаго Государственнаго Управленія почти одну половину всего народонаселенія, и подчинивъ сію половину тремъ различнымъ управленіямъ или министерствамъ, независимымъ одно отъ другаго, общее государственное управленіе ограничивалось бы токмо другою половиною государства.

Рескриптъ Государя къ достойному Его брату В. К. Константину Николаевичу, положилъ, въ этомъ отношеніи, конецъ всѣмъ недоумѣніямъ, всѣмъ болѣе или менѣе несбыточнымъ предположеніямъ. По сему рескрипту учреждается особый Комитетъ, который займется дѣлами всѣхъ крестьянъ вообще.

Сія мысль сосредоточенія устройства управленія всѣхъ вообще крестьянъ въ Россіи, всего земледѣльческаго класса, въ одномъ мѣстѣ, можетъ и должна быть обильна въ благотворныхъ послѣдствіяхъ.

Такъ какъ вопросъ освобожденія крестьянъ неразрывно связанъ съ вопросомъ ихъ управленія, то мы не можемъ не сказать нашего мнѣнія и по сему послѣднему предмету. Мы вполнѣ знаемъ, что мнѣнія и слова наши не могутъ имѣть никакаго дѣйствія на ходъ самыхъ дѣлъ. Это не помѣшало намъ, однакоже, написать съ дюжину брошюръ, журнальныхъ статей и писемъ, которыя едва ли кто нибудь читалъ, — и тѣ, кои знаютъ всю силу глубокихъ и искреннихъ убѣжденій, особенно по предметамъ столь важнымъ, каково есть святое дѣло освобожденія крестьянъ, тѣ не удивятся моей настойчивости и поймутъ, что я могъ и долженъ былъ продолжать итти

все тѣмъ же и тѣмъ же путемъ, хотя и безъ надежды дойти когда либо до желанной цѣли.

Мы не знаемъ совершенно ничего о новомъ комитетѣ, кромѣ того, что онъ долженъ существовать. Планы, предположенія, методы, начала и правила, какіе сей комитетъ принять можетъ — все это для насъ неизвѣстно. И такъ мы можемъ изложить только нѣкоторыя изъ нашихъ желаній касательно сего комитета, наши pia desideria.

Прежде всего мы желаемъ, и желаемъ съ надеждою, чтобы комитетъ облекъ себя преимущественно въ характеръ христіанскаго человѣколюбія, справедливости и благоволенія въ отношеніи къ тѣмъ людямъ, коимъ дозволяется теперь впервые дышать и дѣйствовать какъ подобаетъ свободнымъ созданіямъ.

Не смотря на всѣ доблестныя качества простаго русскаго народа, вѣковая неволя, вѣковая безграмотность, не могли не оставить на немъ самыхъ печальныхъ слѣдовъ. Новое преобразованіе неминуемо повлечетъ за собою множество недоумѣній, непониманій, кривыхъ толковъ и наконецъ безпорядковъ. Русскіе крестьяне достаточно показали и свое смиреніе и свое долготерпѣніе, какъ въ продолженіе ихъ вѣковаго закрѣпощенія, такъ особенно въ четырехъ-лѣтнее ожиданіе обѣщаннаго имъ блага и наконецъ — и это явленіе есть самое убѣдительное — по обнародованіи ихъ освобожденія, для того, чтобы всякій добросовѣстный человѣкъ могъ и долженствовалъ быть увѣренъ въ ихъ незлонамѣренности при всѣхъ или при большей части такихъ, можетъ быть неизбѣжныхъ, безпорядковъ. По сію пору, т. е. при существованіи

крѣпостнаго права, одна сила, т. е. насиліе могло сохранить необходимое для государства спокойствіе. Толковать, вразумлять было невозможно; потому что никогда и никого не было возможности убѣдить въ справедливости рабства, въ справедливости совершеннаго безправія и т. д. По сему печально, но понятно, что у насъ однѣ опасенія возможныхъ безпорядковъ вызывали немедленно самыя строгія, безчеловѣчныя мѣры укрощенія и даже только предупрежденія. Теперь не то. Теперь вы можете съ крестьянами разсуждать, можете ихъ вразумлять; и если наше сельское духовенство, къ сожалѣнію, не въ силахъ поучать и назидать своихъ прихожанъ, то предпишите ему, покрайней мѣрѣ, просто читать, по воскресеньямъ, въ церквахъ, Манифестъ 19 Февраля и будьте увѣрены, что чтеніе сего *благовѣстія* не останется безъ дѣйствія на крестьянъ, что оно тронетъ сердца ихъ, такъ какъ, на моихъ глазахъ, оно тронуло сердце нѣкоторыхъ просто человѣколюбивыхъ иностранцевъ, и — что не портитъ дѣла — иностранныхъ ученыхъ, академиковъ, и какъ наконецъ оно тронуло до глубины мое собственное сердце.

Массы народныя конечно не могутъ вполнѣ и ясно понять и обнять Новаго Устава, когда мы сами должны были прочесть Новое Положеніе нѣсколько разъ и съ большимъ вниманіемъ, дабы ознакомиться съ нимъ надлежащимъ образомъ. Литтература наша, всегда стоявшая за святое дѣло освобожденія, могла бы поспѣшить на помощь непонимающихъ, недоумѣвающихъ и сомнѣвающихся; но едва ли цензура допуститъ такое пособіе. Между тѣмъ

крестьяне будутъ пребывать въ прежнемъ недоумѣніи, въ прежнихъ сомнѣніяхъ и готовы будутъ слушать и честныхъ и нечестныхъ толкователей и совѣтниковъ. Войдите въ такое положеніе крестьянина: какъ онъ можетъ различить совѣтника честнаго отъ злонамѣреннаго? Цензура отстраняетъ единственно совѣтниковъ честныхъ, ибо другіе не прибѣгаютъ къ гласности, и ихъ, т. е. людей злонамѣренныхъ, она отстранить не можетъ. И такъ, цензурою, вы отстраняете людей, могущихъ быть для крестьянъ весьма полезными, и предаете ихъ въ жертву людей нечестныхъ и злонамѣренныхъ.

Мы особенно настоимъ на пользѣ и необходимости сего характера человѣколюбія и благоволенія въ дѣлахъ крестьянскаго управленія, между прочимъ, и по той причинѣ, что сей характеръ равно благодѣтеленъ въ управленіи людьми вообще, слѣдственно въ государственномъ управленіи. Нельзя же, по истинѣ, нельзя браться за управленіе людьми и вмѣстѣ съ тѣмъ питать къ симъ людямъ какую то недовѣрчивость, какъ бы бояться ихъ, подозрѣвать въ нихъ или недоброжелательство или непріязненность; однимъ словомъ видѣть въ нихъ какихъ то илотовъ, всегда готовыхъ на возмущеніе противъ установленныхъ властей. И какая польза въ этихъ страхахъ? Они ли спасутъ или могутъ спасти правителя? И спасти отъ чего? Отъ призраковъ собственнаго его воображенія, а не отъ дѣйствительной опасности, которой, можетъ быть, вовсе не существуетъ. Нѣтъ! Нѣтъ! Порядокъ общій, государственный, ограждается не мѣрами внушаемыми или опасеніемъ или недовѣрчивостію

къ народу; онъ ограждается просто установленными законами, даже и самыми плохими, лишь бы сіи законы были исполняемы хотя мало мальски порядочнымъ и добросовѣстнымъ образомъ. Россія не можетъ похвастаться ни весьма хорошимъ гражданскимъ, уголовнымъ и полицейскимъ законодательствомъ, ни правильнымъ судопроизводствомъ и разумной администраціею; но между тѣмъ такъ называемый порядокъ общественный вообще вездѣ существовалъ и не былъ нарушаемъ. И къ сему-то народу, который и при такомъ законодательствѣ умѣлъ сохранить общій порядокъ и спокойствіе, будутъ имѣть недовѣріе, будутъ ожидать отъ него всякаго рода безпорядковъ и неистовствъ и, для предупрежденія оныхъ, прибѣгать къ мѣрамъ стѣснительнымъ для его жизни гражданской, для его развитія, для его преуспѣянія, къ средствамъ не допускающимъ въ немъ собственнаго сознанія и его человѣческаго достоинства и того призванія, которое предназначено ему, такъ какъ и всѣмъ народамъ, по волѣ самого Провидѣнія!

„Вѣрьте въ народъ!“ скажемъ мы всѣмъ сильнымъ земли, призваннымъ управлять народами. Предоставьте ему всѣ средства человѣческаго и гражданскаго развитія, и укрощайте только тѣхъ, кои подлинно нарушаютъ общественный порядокъ; укрощайте только тогда, когда они его дѣйствительно нарушаютъ, а не прежде, по предположеніямъ, подозрѣніямъ, доносамъ, клеветамъ и пр. пр. укрощайте, наконецъ, не сами — это не согласно съ вашимъ призваніемъ — но посредствомъ закона, законнымъ порядкомъ и въ законныхъ предѣлахъ.

Обращаясь къ нѣкоторымъ подробностямъ, мы укажемъ на необходимость издать, для руководства крестьянъ, сокращенныя извлеченія изъ мѣстныхъ Положеній. Въ немногихъ словахъ можно изъяснить то что въ особенности касается, въ каждой мѣстности, до крестьянъ барщинныхъ и оброчныхъ, до надѣловъ землею, до усадьбъ и выкупа оныхъ, до выкупа полевыхъ надѣловъ, до суммы оброковъ, выкупныхъ ссудъ и платежа по онымъ; — такъ чтобы каждый крестьянинъ, гдѣ бы онъ ни находился, могъ узнать, по крайней мѣрѣ въ главныхъ обстоятельствахъ: въ какое положеніе онъ поставляется и какимъ образомъ можетъ или выйти изъ онаго, или выкупить усадьбу и землю. Узнавъ изъ краткаго „извлеченія“ главное, онъ можетъ прибѣгнуть, для узнанія всѣхъ подробностей, къ подлинному „Положенію.“ Такое „извлеченіе,“ не болѣе какъ на двухъ или трехъ страницахъ, можетъ быть читано крестьянамъ на сходкахъ и даже въ церквахъ.

Ограничиваясь, въ изъясненіи нашихъ желаній, только тѣми предметами, кои могутъ подлежать усмотрѣнію Комитета безъ нарушенія правилъ въ Новомъ Положеніи содержащихся, или по крайней мѣрѣ безъ рѣшительнаго противодѣйствія симъ правиламъ, мы желали бы обратить благосклонное вниманіе Комитета на постановленія касающіяся до перехода крестьянъ съ одного мѣста на другое.

Вопросъ о переходѣ крестьянъ въ многихъ частяхъ относится къ Управленію. Бывъ разрѣшенъ, въ главныхъ началахъ, самымъ Уставомъ, онъ не престаетъ подлежать, въ другихъ случаяхъ, обсужденію, разсмотрѣнію

и разрѣшенію власти правительственной, т. е. именно учрежденному для дальнѣйшаго устройства и Управленія крестьянъ Комитету.

Важность сего вопроса столь же велика какъ и очевидна. Право жить тамъ гдѣ кто хочетъ, право перемѣнять мѣсто жительства, однимъ словомъ право двигаться, ходить, переходить, уходить и возвращаться, есть самая существенная принадлежность свободнаго человѣка. Отъ права и возможности свободнаго перехода зависитъ, болѣе нежели отъ чего инаго, основаніе вольнаго труда; такъ что чѣмъ болѣе существуетъ возможности вольнаго перехода, тѣмъ болѣе будетъ вольнаго труда.

Вольный трудъ не основывается однимъ отстраненіемъ крѣпостнаго права. Иныя причины, независимо отъ воли помѣщика, могутъ препятствовать основанію для крестьянъ вольнаго труда. Не одна крѣпостная зависимость мѣшаетъ крестьянину оставить мѣсто своего жительства и итти искать работы въ другихъ мѣстахъ, т. е. прибѣгать къ вольному труду. Крестьяне могутъ быть прикрѣпленными къ землѣ, даже и по уничтоженіи крѣпостнаго права, множествомъ другихъ постановленій. Прикрѣпленіе же къ землѣ, отъ чего бы оно ни происходило, несовмѣстно съ вольнымъ трудомъ.

Въ настоящее время существуютъ различныя препятствія для вольнаго перехода крестьянъ съ одного мѣста на другое.

Однѣ изъ сихъ препятствій тѣсно соединены съ существующимъ порядкомъ общиннаго владѣнія землею.

Препятствія сего рода могутъ быть отстранены осла-

бленіемъ или совершеннымъ отстраненіемъ общиннаго начала въ пользованіи и во владѣніи землею.

Въ семъ отношеніи Новое Положеніе сдѣлало все что̀ токько возможно было сдѣлать. Оно даетъ средства для крестьянъ превращать общинное владѣніе во владѣніе участковое, т. е. разбивать общественную землю на участки личные.

Другія препятствія заключаются въ постановленіяхъ независимыхъ отъ крестьянскаго вопроса, и именно въ постановленіяхъ касающихся подушнаго оклада и рекрутской повинности.

Мы сказали въ другихъ мѣстахъ наше мнѣніе о подушномъ окладѣ и о рекрутской повинности въ теперешнемъ ея видѣ.

Подушный окладъ можетъ быть весьма легко обращенъ въ налогъ поземельный. Тѣ же самыя суммы, кои собираются теперь по губерніямъ, уѣздамъ и селеніямъ, могутъ быть разложены въ губерніяхъ по уѣздамъ, въ уѣздахъ по селеніямъ, и наконецъ въ селеніяхъ на каждую десятину земли; такъ что вся перемѣна будетъ заключаться въ томъ, что въ каждомъ селеніи сумма подушнаго оклада будетъ разложена на землю: каждый будетъ платить по числу владѣемыхъ имъ десятинъ земли; что̀ и нынѣ, частію, такъ дѣлается. Мы показали также, что, въ послѣдствіи, поземельный налогъ можетъ быть, безъ затрудненія, возвышенъ, посредствомъ болѣе правильнаго взиманія, смотря по качеству земель.

Относительно рекрутской повинности дѣло представляетъ несравненно болѣе затрудненій. Но и тутъ мы не

видимъ: по чему въ Россіи не прибѣгнуть къ тѣмъ же методамъ, кои приняты въ другихъ государствахъ, т. е. къ конскрипціи, подвергнувъ податныя сословія, кои нынѣ исправляютъ повинность рекрутскую, обязанности жеребья въ извѣстный возрастъ. Тогда тѣ изъ молодыхъ людей, на коихъ не палъ жеребій, оставались бы навсегда освобожденными отъ обязанности службы, могли бы вступать въ бракъ и пр.

Наконецъ третьяго рода препятствія проистекаютъ изъ самого Новаго Положенія.

Главнѣйшія изъ сихъ препятствій происходятъ отъ обязанности для крестьянъ принимать поземельные надѣлы, платить за нихъ оброкъ или работать, при выкупѣ же платить выкупный оброкъ въ продолженіе 49 лѣтъ.

Здѣсь мы не можемъ не замѣтить, что разница въ производительности между трудомъ вольнымъ и тѣмъ, который возможенъ при Новомъ Положеніи, въ продолженіе 49 лѣтъ, должна составить, если бы возможно было ее исчислить, огромную сумму, которую и крестьяне и государство необходимо потеряютъ. Дали ли сами себѣ вѣрный отчетъ въ томъ чего должна стоить метода выкупа государству, тѣ, кои приняли сію методу?

Принявъ методу большихъ надѣловъ и выкупа, сихъ препятствій избѣжать было невозможно. Надѣливъ крестьянъ большими надѣлами, установивъ выкупъ, надлежало обезпечить помѣщиковъ въ полученіи ими отъ крестьянъ и оброка, и работы; а при платежѣ выкупнаго оброка прямо въ казну, надлежало обезпечить казну. Сего обезпеченія нельзя было искать ни въ чемъ иномъ

какъ въ существующемъ обычаѣ круговой поруки; при чемъ общества сельскія не могутъ соглашаться на выходъ крестьянъ, дабы не уменьшить числа обязанныхъ общественными платежами. Впрочемъ, еслибы круговой поруки и не существовало и обязанность платежей лежала лично на крестьянинѣ, то и тогда онъ не могъ бы пользоваться правомъ свободнаго перехода, покуда не уплатилъ всѣхъ выкупныхъ оброковъ.

Было ли возможно умѣрить для крестьянъ въ отдѣльности всѣ тѣ неблагопріятныя для права перехода послѣдствія, кои проистекаютъ изъ круговой поруки? Намъ кажется, что въ семъ отношеніи Редакціонныя Коммиссіи сдѣлали все что только можно было сдѣлать для облегченія отдѣльнымъ крестьянамъ ихъ выхода изъ сельскаго общества. Но это весьма немного.

И такъ крестьянинъ остается прикрѣпленнымъ къ землѣ или обязанностію работать и платить оброкъ до выкупа своей земли, и послѣ выкупа въ продолженіе 49 лѣтъ. Прикрѣпленіе же къ землѣ, какъ мы сказали выше, каково бы оно ни было, отъ чего бы ни происходило, съ вольнымъ, настоящимъ вольнымъ трудомъ несовмѣстно.

Если же намъ напомнятъ, что крестьянинъ можетъ, однакоже, выйти изъ общества, послѣ 9 лѣтъ, отказавшись отъ всякаго надѣла землею; то мы, замѣтивъ, что цѣна за пріобрѣтеніе такаго печальнаго права слишкомъ высока, спросимъ: гдѣ же тутъ предполагаемое освобожденіе съ землею?

Но кромѣ сихъ главныхъ, коренныхъ препятствій вольному труду и даже личной свободѣ крестьянина, входящихъ, такъ сказать, въ систему Новаго Положенія,

оно представляетъ нѣкоторыя особенныя, второстепенныя неудобства, кои въ сію систему необходимо не входятъ и постановляются въ видахъ чисто правительственныхъ или полицейскихъ.

Сіи стѣснительныя постановленія имѣютъ источникомъ странный, но весьма закоренѣлый предразсудокъ, въ томъ состоящій, что русскій человѣкъ необходимо долженъ бытъ къ чему нибудь приписанъ!

Дорого поплатилась Россія за этотъ предразсудокъ! Онъ былъ одною изъ причинъ введенія и утвержденія крѣпостнаго права. Покоривъ Россію, Татары дѣлали перепись народу, облагали его окладомъ. То же дѣлали Великіе Князья, Цари и Императоръ Петръ I. Его преемники только продолжали итти по проложенному пути. Дѣлая перепись народу, властители хотѣли имѣть всегда на лицо тѣхъ, коихъ они облагали данью; а потому запрещали людямъ перемѣнять мѣсто своего жительства, т. е. прикрѣпляли ихъ къ землѣ.

Пора бы намъ образумиться и спросить самихъ себя: за чѣмъ же и нынѣ, въ XIX столѣтіи, по провозглашеніи освобожденія крестьянъ, требовать, чтобы каждый изъ нихъ былъ куда бы то ни было приписанъ? Какая въ этомъ надобность, какая польза?

Дѣлается ли это въ видахъ государственнаго порядка? Но почему человѣкъ никуда не приписанный опаснѣе человѣка приписаннаго куда нибудь? Первый, въ случаѣ нарушенія сего порядка, подвергается равной отвѣтственности съ симъ послѣднимъ и подвергается оной тамъ гдѣ произошло нарушеніе.

Дѣлается ли это въ видахъ экономическихъ, финансовыхъ, для вѣрнаго обезпеченія государственныхъ доходовъ? Такъ могли думать Татары и даже Великіе Князья и Цари. Они „не вѣдали что̀ творятъ.“ Но уже и для Петра I было грѣшно основывать содержаніе арміи на подушномъ окладѣ и смѣшивать при томъ въ переписи холоповъ съ крестьянами.

Нынѣ же нѣтъ и не можетъ быть никакаго удовлетворительнаго изъясненія для обычая приписывать и исчислять людей. Поголовный или подушный налогъ происходитъ отъ завоеванія, когда завоеватель, покоряя народъ, даровалъ людямъ жизнь и за этотъ даръ требовалъ отъ нихъ платы.

Теперь человѣкъ ничѣмъ не владѣющій, не долженъ подлежать никакому налогу, какъ это и дѣйствительно существуетъ во всѣхъ порядочно устроенныхъ земляхъ. При этомъ человѣкъ ничѣмъ не владѣющій, не остается конечно освобожденнымъ отъ податей и налоговъ. Какъ потребитель, онъ платитъ косвенные налоги за то, что онъ потребляетъ: за пищу коей питается, за одежду, которою носитъ, за жилище, въ которомъ онъ живетъ. И при семъ слѣдуетъ замѣтить, что сими косвенными налогами, при свободѣ, коею человѣкъ пользуется, онъ платитъ казнѣ гораздо болѣе, нежели сколько платитъ обязанный поголовнымъ или подушнымъ налогомъ въ неволѣ или въ ополуволѣ, каковую сей налогъ предполагаетъ.

Основываясь на сихъ соображеніяхъ, мы не можемъ не замѣтить, что многія постановленія Новаго Устройства, тносительно выхода крестьянъ изъ сельскаго общества

и пріема ихъ въ другое общество, и стѣснительны и безполезны. И тѣ условія, кои неизбѣжны при методѣ выкупа, уже слишкомъ обременительны для крестьянъ. Но если крестьянинъ ихъ преодолѣлъ, если общество соглашается отпустить его, за чѣмъ сверхъ того требовать, чтобъ крестьянинъ представилъ также свидѣтельство, доказывающее, что какое нибудь другое сельское общество его къ себѣ принимаетъ? Пусть идетъ онъ куда ему угодно. Итти куда кто хочетъ, жить, гдѣ кто хочетъ, есть, какъ мы сказали выше, первое изъ правъ свободнаго человѣка, первое изъ условій человѣческой свободы. Отпустивъ крестьянина, общество за него отвѣчаетъ. Этого должно быть достаточно для всѣхъ разумныхъ требованій и обезпеченій.

Съ симъ предразсудкомъ приписки, тѣсносоединяется предразсудокъ пасспортовъ. Освободиться отъ сего послѣдняго не менѣе трудно и не менѣе было бы полезно, сколько отъ перваго. Наконецъ, однакоже, здравыя идеи и на сей счетъ начинаютъ не только проявляться, но и преодолѣвать идеи ошибочныя. Въ землѣ, гдѣ, по закону, можно остановить всякаго человѣка, спросить его пасспортъ или видъ, и арестовать его, если онъ такаго вида не имѣетъ, во Франціи, было наконецъ принято, что Англичане могутъ пріѣзжать и прогуливаться во всей имперіи безъ какихъ бы то ни было пасспортовъ. То же правило, какъ обѣщаютъ, будетъ принято относительно Бельгіи, Швейцаріи и т. д. Желѣзныя дороги поучительнѣе, въ семъ отношеніи, всѣхъ возможныхъ доводовъ и соображеній.

Къ чему служатъ пасспорты? для чего особенно требовать пасспортовъ въ Россіи, отъ русскаго крестья-

нина? Мужикъ приходитъ въ городъ, работаетъ, питается своею работою и возвращается домой или остается въ городѣ. Если онъ не дѣлаетъ ничего противнаго законамъ, никто не долженъ его тревожить. Если же онъ нарушитъ законъ, то подвергается отвѣтственности, не смотря на то имѣетъ ли онъ какой нибудь видъ или не имѣетъ. Въ городахъ и въ деревняхъ, бываютъ воры, живущіе воровствомъ какъ ремесломъ. Въ Россіи конечно ихъ не менѣе нежели гдѣ либо. Паспорты и виды препятствуютъ ли имъ воровать? Напримѣръ во Франціи, люди этаго разряда обыкновенно имѣютъ два или три паспорта. Лучше было бы такихъ промышленниковъ ловить, нежели заботиться о томъ, чтобы они имѣли законные виды и паспорты.

А между тѣмъ сколько хлопотъ, сколько убытковъ, сколько стѣснительности влечетъ за собою для бѣдныхъ людей необходимость получать и возобновлять сіи свидѣтельства, кои ничего не свидѣтельствуютъ!

Мы полагаемъ, что Комитетъ, на который возложено устройство и управленіе крестьянъ, можетъ сдѣлать многое въ облегченіе крестьянъ по крайней мѣрѣ по симъ второстепеннымъ затрудненіямъ, въ необходимости паспортовъ состоящимъ, и при томъ разпространить свое благотворное участіе не только на крестьянъ освобожденныхъ отъ крѣпостной завиммости, но на всѣхъ крестьянъ вовбще: казенныхъ, удѣльныхъ и пр. и пр.

Мы не можемъ также не обратить вниманія Комитета на образованіе волостей.

По Новому Положенію волости должны заключать съ себѣ не болѣе 300 душъ.

Редакціонныя Коммиссіи, имѣя въ виду однихъ только освобождаемыхъ крестьянъ, отдѣленныхъ обыкновенно одни отъ другихъ землями крестьянъ иныхъ вѣдомствъ, могли найти неудобнымъ включить въ волость большое число крестьянъ, напримѣръ двѣ или три тысячи; хотя намъ кажется, что принятая цифра, т. е. 300, слишкомъ низка. Но вѣденіе Комитета разпространяется на всѣхъ крестьянъ вообще. Мы изъяснили въ иномъ мѣстѣ*), что въ составъ одной и той же волости могутъ входить равномѣрно какъ крестьяне освобождаемые, такъ и крестьяне другихъ вѣдомствъ, казенные и удѣльные; что мѣстное, муниципальное управленіе, будучи сосредоточено въ волостяхъ и устроено на здравыхъ началахъ, можетъ служить основаніемъ, и основаніемъ широкимъ, твердымъ, всему государственному управленію, особенно тогда, когда помѣщики-дворяне, свыкнувъ съ новымъ порядкомъ, вступятъ, какъ землевладѣльцы, въ составъ волостей на ровнѣ со всѣми прочими землевладѣльцами.

Самое значеніе, которое мы даемъ волостямъ по нашему плану, требуетъ гораздо большей населенности нежели то, которое опредѣляется Новымъ Положеніемъ. Въ краяхъ тѣсно населенныхъ волость должна заключать въ себѣ, по нашему мнѣнію, не менѣе 10 т. жителей. Въ мало-населенныхъ краяхъ, конечно, нельзя требовать такаго же числа. Мы не будемъ повторять здѣсь нашихъ доводовъ относительно выгоды и пользы волостей многолюдныхъ, въ сравненіи съ волостями или коммунами

*) Смот. Вопросъ освобожденія и вопросъ управленія крестьянъ.

малолюдными, и сошлемся на то, что̀ мы прежде высказали о семъ предметѣ.

Говоря о соединеніи въ одну и ту же волость крестьянъ различнаго рода и принимая въ соображеніе, что всѣ крестьяне безъ изключенія будутъ подлежать вѣдомству Комитета, мы не можемъ не представить на его благоусмотрѣніе слѣдующаго обстоятельства:

Во многихъ казенныхъ и, конечно, удѣльныхъ селеніяхъ, найдутся земли, превышающія самые высшіе надѣлы, какіе обыкновенно предоставляются крестьянамъ. Сверхъ того существуютъ, въ казенномъ владѣніи, особенныя оброчныя статьи. Всѣ сіи, въ нѣкоторомъ смыслѣ, излишнія земли могутъ быть, по имѣющимся свѣденіямъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ и удѣловъ, немедленно приведены въ точную и опредѣлительную извѣстность, такъ что можно будетъ знать: сколько такихъ земель существуетъ по каждой губерніи, по каждому уѣзду и даже по каждой волости. Почему не предназначить сихъ земель, когда онѣ къ сему удобны, для поселенія тѣхъ изъ освобождаемыхъ крестьянъ, кои будутъ сходить съ земель нынѣ ими занимаемыхъ? Сіи земли могутъ быть предоставляемы имъ или по найму, или за выкупъ. Нѣкоторые крестьяне, встрѣчая непреодолимыя затрудненія въ выкупѣ нынѣ занимаемыхъ ими земель, могли бы селиться на таковыхъ казенныхъ земляхъ, нанимать оныя или пріобрѣтать въ собственность. Всеобщее освобожденіе могло бы такимъ образомъ быть облегчено и ускорено. Мы прибавимъ, что принявъ сію мѣру, полезно было бы немедленно объявить въ какихъ имянно

мѣстностяхъ, какія земли и въ какомъ количествѣ могутъ быть предоставлены для поселенія освобождаемыхъ крестьянъ, дабы сіи послѣдніе знали о семъ, приступая къ переговорамъ о сдѣлкахъ по ихъ надѣламъ.

Касательно поселенія освобождаемыхъ крестьянъ на казенныхъ земляхъ, мы находимъ, что Новое Положеніе прибѣгаетъ преимущественно къ сему средству въ отношеніи крестьянъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ. Мы замѣтили уже въ иномъ мѣстѣ, что полезнѣе было бы и для крестьянъ и для мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, вознаградить сихъ послѣднихъ за землю, а не за крестьянъ. Сравнивая обоюдныя неудобства, намъ кажется, что неудобствъ будетъ менѣе для помѣщика получившаго денежное вознагражденіе, завестись новымъ хозяйствомъ, нежели для крестьянъ переселяться на новыя мѣста. Въ пожертвованіи же со стороны казны, въ томъ и другомъ случаѣ, едва ли будетъ значительная разница. Этотъ предметъ, не касаясь коренныхъ началъ дѣла освобожденія, также можетъ подлежать обсужденію и разрѣшенію Комитета.

Наконецъ мы желали бы обратить вниманіе Комитета на пользу учрежденія всеобщаго по управленію его надзора посредствомъ постоянныхъ инспекторовъ.

Мы изъяснили въ другомъ мѣстѣ необходимость инспекторовъ во всякомъ управленіи.*)

Судя по свойству дѣла, возлагаемаго на Комитетъ, ни что не можетъ обѣщать болѣе успѣха сему дѣлу, какъ

*) Смотр. О судѣ присяжныхъ. Въ примѣчаніяхъ.

учрежденіе постоянныхъ инспекторовъ, изъ коихъ каждый будетъ имѣть свой округъ. Въ извѣстное время всѣ инспекторы должны соединяться въ присутствіи Комитета, который, разсматривая отчеты ихъ, сличая оные одинъ съ другими, будетъ въ состояніи обнять весь ходъ дѣла съ возможною ясностію и безошибочностію.

По сію пору мы не видимъ, по Новому Положенію, иныхъ орудій для дѣйствія какъ губернскія присутствія и мировые посредники, и сверхъ того, разумѣется, всѣ обыкновенныя мѣстныя начальства. Но при такихъ средствахъ управленія не существуетъ никакаго контроля, дѣйствіе коего будетъ ограничиваться одними циркулярами, предписаніями и т. п. Слѣдовать же за успѣшнымъ ходомъ дѣла, комитетъ будетъ въ состояніи не иначе, какъ посредствомъ донесеній отъ безчисленныхъ мѣстныхъ начальствъ. Единства въ дѣйствіи, сознательной отчетливости въ томъ что̀ дѣлается, тутъ быть не можетъ. Вообще по перепискѣ трудно толковать о дѣлахъ значительныхъ и многосложныхъ. Въ одинъ часъ личнаго разговора можно лучше кончить дѣло, нежели въ продолженіе пространной переписки. Сіи-то имянно инспекторы должны служить, такъ сказать, орудіемъ разговора Комитета (porte-voix) не только съ мѣстными начальствами и властями, но даже съ самыми крестьянами. Вотъ наша мысль. Подробности представляются сами собою: инспекторы должны имѣть надлежащія инструкціи; они должны необходимо имѣть довольно простора въ ихъ дѣйствіи, дабы многое могло быть ими рѣшено, исправлено и сдѣлано на самомъ мѣстѣ. Иногда

одно здравое изтолкованіе, простое вразумленіе, указаніе на истинный смыслъ и значеніе закона, можетъ положить конецъ ложнымъ и опаснымъ недоумѣніямъ, не говоря о злонамѣренности, которой, по истинѣ, въ русскомъ крестьянинѣ вообще мы никакъ предполагать не можемъ. Но по мѣрѣ усиленія власти инспекторовъ, должна быть увеличена и ясно опредѣлена ихъ отвѣтственность. Къ сожалѣнію, этой-то отвѣтственности, этого-то обезпеченія спокойствія и безопасности общественной, у насъ и не достаетъ: Мы видимъ для народа угрозы, усмиренія, укрощенія, слишкомъ часто кровавыя и жестокія; но нигдѣ не видимъ отвѣтственности для чиновниковъ, для исполнителей и законовъ и предписаній правительственныхъ. Когда и кого караетъ у насъ законъ, за нарушеніе онаго, за неправильное исполненіе, за превышеніе власти, симъ закономъ опредѣляемой? Всякій чиновникъ, губернаторъ, исправникъ, становой, квартальный, генералъ- и флигель-адъютантъ, — всѣ контролируются только своею совѣстію, всѣ отвѣтствуютъ только предъ Богомъ; всѣ, при обстоятельствахъ необыкновенныхъ, дѣйствуютъ токмо по внушеніямъ минутныхъ вліяній и впечатлѣній, прибѣгаютъ ко всѣмъ средствамъ какія представляются наиболѣе дѣйствительными для ихъ разсудка, для ихъ опасеній, для ихъ встревоженныхъ страстей, и если они когда нибудь каятся, то каятся предъ однимъ Богомъ, а не предъ закономъ. Въ этой всеобщей у насъ безотвѣтственности кроется великое нравственное и государственное зло. Ложныя понятія многихъ даже добрыхъ, но слабыхъ людей, способствуютъ сему злу. „Какъ погубить человѣка или за взятку, или за

жестокость? Этимъ дѣлу не поможешь. А у него жена, дѣти, и пр. и пр.“ Вотъ что̀ слышно у насъ безпрестанно. Съ такимъ всеобщимъ, рѣдко извинительнымъ, равнодушіемъ къ справедливости и къ правилу должной отвѣтственности, конечно мудрено ожидать правды въ судахъ, умѣренности и человѣколюбія въ управленіи, точнаго, но тнаго и вполнѣ законнаго исполненія особыхъ порученій.

Ограничившись, какъ мы сказали выше, тѣми предметами, кои могутъ прямо подлежать дѣйствію Комитета, не касаясь главныхъ, коренныхъ началъ Новаго Положенія о крестьянахъ, мы не теряемъ однакоже надежды, что Комитетъ найдетъ, можетъ быть, какія нибудь средства облегчить и ускорить даже и самый окончательный выкупъ крестьянами ихъ полевыхъ надѣловъ и ихъ усадьбъ. Повторяемъ, намъ неизвѣстны какъ намѣренія Комитета, такъ равно и планъ и объемъ его дѣйствій. Наша надежда основывается единственно на томъ, что Государь, совершивъ главное и существенное въ великомъ и святомъ дѣлѣ, что Великій князь, ревностно помогавшій ему въ семъ дѣлѣ, съумѣютъ привести его къ желаемому концу. Богъ да благословитъ праведный ихъ трудъ!

Парижъ, 22 Мая. 1861.

Лейпцигъ,
въ типографіи Бера & Германна.

Leipzig,
Druck von Bär & Hermann.

Лейпцигъ,
въ типографіи Бера и Германна.

Leipzig,
Druck von Bär & Hermann.